

1 Box 5076E K

ОТДѢЛЕНІЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ.

БѢЛОРУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПРІДАНИЯ (*).

Предки наши, Русскіе Славяне, подобно другимъ древнимъ народамъ, имѣли мнимыя божества, которымъ воздвигали кумиры и поклонялись. Такъ въ Соф. Временникъ говорится: «и нача княжити Владиміръ въ Кіевѣ и постави кумиры на холму, внѣ града теремнаго: *Перуна*, древяна, а главу сребряну, а усь златъ; и *Харса*, и *Дажба*, и *Стриба*, и *Семарла*, и *Мокошь*. Жряху имъ, нарицающе ихъ боги, провожаху сыны ѧ и дщеры, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю свою требами многими, и оскверниша кровми землю Русекую и холмъ той (2)». Безъ сомнѣнія, упомянутыя здѣсь божества были у

(1) Отырвоитъ павъ сочиненія: «Словарь и Корнесловъ БѢлорускаго нарѣчія».
(2) Соф. Врем. стр. 55.
Литерат. Отд.
1
Бел...

З.В.В-2

Славянъ Русскихъ собственныя, коренныя—Славянскія; но Славяне принимали постепенно и чужихъ боговъ, такъ-какъ окружены были со всѣхъ сторонъ разными языческими народами: съ Сѣверозапада—Латышами, Прусаками, Ятвягами, Литовцами; съ Сѣверовостока—Финнами, съ Юговостока—Хазарами. Но какъ главнымъ сердцемъ Славянъ Русскихъ былъ Кіевъ и сопредѣльныя ему земли по Днѣпру, то и кумиры въ честь божествъ воздвигаемы были въ этихъ мѣстахъ: сюда собирались Славяне Русскіе для поклоненія божествамъ, для участвованія въ народныхъ празднествахъ, играхъ: отсюда выносили разныя сказки и пѣсни про дивныя дѣла своихъ божествъ, про силу ихъ и могущество. Такимъ образомъ, Южная часть нынѣшней Россіи была главнымъ мѣстомъ, гдѣ сохранялись преданія о божествахъ Славянъ Русскихъ, невидимыхъ духахъ, чудесныхъ силахъ ихъ и т. п. Безъ сомнѣнія, отсюда могли переходить эти преданія и въ дальнѣйшія земли Руси; но народныя вѣрованія въ настоящемъ видѣ ихъ могли сохраниться только въ Кіевѣ и ближайшихъ къ нему мѣстахъ. Со введеніемъ Христіанской Вѣры въ землѣ Русскихъ Славянъ, идолы и капища въ ней были уничтожены; преданія же, хранившіяся въ народѣ, не могли уничтожиться. Христіанская Вѣра могла уничтожить вѣрованіе въ языческихъ боговъ; но устное преданіе не переставало сохранять въ народѣ воспоминанія о вѣрованіяхъ предковъ. Этому способствовало и то, что Христіанство не вдругъ утвердилось во всей Россіи, но постепенно: то есть, преданія находили себѣ опору въ языческихъ вѣрованіяхъ сосѣднихъ народовъ, и та-

кимъ образомъ Славяне Русскіе, будучи Христіанами, все-еще имѣли случай видѣть подобіе старинныхъ своихъ боговъ. Прошло нѣсколько вѣковъ послѣ утвержденія Христіанства въ Россіи, а преданія о богахъ, духахъ, таинственныхъ силахъ, вѣдмахъ и другихъ страшилищахъ не уничтожились, но съ теченіемъ времени только облакались въ поэтическій вымыселъ и принимали живописный колоритъ въ устахъ рассказчика. Сколько перемѣнъ произошло въ Русскомъ народѣ со времени введенія Христіанства и распространенія просвѣщенія; сколько бѣдъ потерпѣла Русь отъ Монголовъ, Литовцевъ и другихъ народовъ; и не смотря на то, преданія о вѣрованіяхъ древнихъ Русскихъ Славянъ сохранились почти въ неповрежденности въ Русскомъ народѣ. Мы уже сказали, что въ Кіевѣ и вообще по Днѣпру, гдѣ находились идолы и капища древнихъ Русскихъ Славянъ, преданія объ нихъ съ особенною точностію сохранились т. е.: по рѣкамъ Припети, Сожѣ и, частью, по Западной Двинѣ, то есть, въ Губерніяхъ Минской, Могилевской, частию въ Кіевской, Витебской и частию въ Черниговской. Удивительно даже, что не только имена божествъ, но и самыя понятія, соединяемыя съ ними, и свойства, приписываемыя имъ предками нашими, совершенно согласны съ именами, понятіями и свойствами тѣхъ божествъ, о которыхъ сохранились преданія въ Бѣлоруссіи, какъ о мнимыхъ духахъ. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи Бѣлорусскія Губерніи — Минская, Могилевская и Витебская. Въ простомъ народѣ Бѣлорусскихъ Губерній можно находить много обычаевъ, игръ,

обрядовъ, поговорокъ, которыя ведутъ свое начало отъ временъ язычества. Не лзя не удивляться, какъ могли сохраниться самыя пѣсни (многія) безъ всякаго измѣненія: трудно найти въ нихъ какую-нибудь перемѣну не только въ мысляхъ, но даже и въ словахъ. Любопытно, поэтому, сличить устные преданія Бѣлорусцевъ о различныхъ божествахъ, какъ о мнимыхъ духахъ и привидѣніяхъ, съ *истыми* вѣрованіемъ древнихъ Русскихъ Славянъ. Любопытство наше въ этомъ случаѣ тѣмъ легче удовлетворится безъ всякаго утомленія, что преданія Бѣлорусцевъ украшены поэтическими разказами. Для этого и самыя разказы представляются въ возможной связи и порядкѣ. Вотъ они:

1. Баганъ.

Баганъ, какой-то добрый духъ, — кажется, то же, что *Волось*, покровитель домашняго скота. По разказамъ Бѣлорусцевъ, Баганъ, смотря по своему расположенію или неприязни къ какому-либо семьянину, или умножаетъ (*родзиць*, раждаетъ), или похищаетъ у него домашній скотъ: это они подтверждаютъ фактами. Слова *умножаетъ*, *похищаетъ* должно понимать такъ: *Баганъ* дѣласть скотъ или плоднымъ или бесплоднымъ; раждаетъ дѣтёншей скота или живыми, или мертвыми; оставляетъ самую родильницу послѣ родовъ или здоровою, или больною и даже мертвою. Такъ толкуютъ сами Бѣлорусцы. Замѣчательно также, что Бѣлорусцы отдѣляютъ въ хлевахъ скотскихъ особенное мѣсто съ особенными маленькими яслями

съ сѣномъ. Они дѣлають это въ слѣдствіе повѣрья, будто бы *Баганъ* поселяется такъ сказать, въ хлевахъ скотовъ (разумѣется, любимого имъ семьянина), и охраняетъ скотъ отъ разныхъ болѣзней и припадковъ. А главное, — будто *Баганъ* помогаетъ скотамъ при рожденіи. Конечно, сѣно въ ясляхъ, приготовленное для *Багана*, дѣло: Бѣлорусцы имъ кормятъ родильницу первую недѣлю послѣ родовъ, считая это сѣно какъ бы лекарствомъ. Впрочемъ, *Баганъ* не по всей Бѣлоруссіи извѣстенъ подъ этимъ именемъ; подъ которымъ преимущественно знаютъ его въ Минской Губерніи, въ Пинскомъ, Мозырскомъ и Слуцкомъ уѣздахъ, и частію въ Губерніи Черниговской. Судя по разказамъ Бѣлорусцевъ, онъ весьма сходенъ, или по крайней мѣрѣ соответствуетъ тому самому, о которомъ Гр. Касторскій упоминаетъ въ своемъ «Начертаніи Славянской Миеологіи». (Гл. IV, стр. 37 — о Богѣ). *Поговорки*: *Баганъ задушилъ овцу* (*Баганъ* задушилъ овцу, т. е. овца околѣла отъ родовъ). *Баганъ нарадзівъ целя* (*Баганъ* далъ телѣнка); эту поговорку Бѣлорусцы употребляютъ при рожденіи дѣтёншай у скотины.

II. Бѣлунъ.

Бѣлунъ то же, что *Бѣлбогъ*, — источникъ богатства и милосердія. Въ Бѣлоруссіи есть повѣрье, будто Бѣлунъ является заблудившимся въ лѣсу, и, молча, почти невидимо, выводитъ путниковъ на прямую и вѣрную дорогу, съ которой они сблизись; будто онъ присутствуетъ на нивахъ во время

жатвы и помогает жнецамъ усиленно жать. Но всего чаще рассказываютъ Бѣлорусцы, какъ Бѣлунъ является бѣднякамъ въ *жэіць* (во ржи) съ сумою денегъ на носу. Замѣтивъ бѣдняка—говорить—Бѣлунъ манитъ его къ себѣ рукою; потомъ, если бѣднякъ не рѣшается подойти, онъ самъ подходитъ къ нему и проситъ его утереть себѣ носъ. Если бѣднякъ послушается и утереть ему носъ (что всегда бываетъ, потому что Бѣлунъ является днемъ), то изъ сумы посыплются деньги, а Бѣлунъ исчезаетъ. Количество денегъ бываетъ смотря по тому, чѣмъ бѣднякъ утереть носъ *Бѣлуну*. Если утереть рукою, то денегъ высыплется изъ сумы столько, сколько можно забрать рукою; если же платкомъ, или шапкою, или полою *світты* (верхней одежды Бѣлорусскаго мужика), то денегъ высыплется изъ сумы *Бѣлуна* столько, сколько можетъ помѣститься въ платкѣ, въ шапкѣ, или въ полѣ одежды. Бѣлорусцы представляютъ *Бѣлуна* старикомъ съ длинною, бѣлою, но не сѣдою бородою, въ бѣломъ саванѣ, съ бѣлымъ посохомъ. *Поговорка: Мўсиць, паслбрывся зъ Бѣлуномъ* (Должно быть, подружился съ Бѣлуномъ, т. е. вѣрно, его посѣтило счастье). *Ціёмна у лѣсу безъ Бѣлуна* (Темно въ лѣсу безъ Бѣлуна, т. е. Бѣлунъ — проводникъ въ темномъ, глухомъ лѣсу).

III. Вавкалѣка.

Вавкалѣка—оборотень. Это не что иное, какъ челоуѣкъ, превращенный чародѣемъ или нечистою силою въ волка. По мнѣнію Бѣлорусцевъ, злой духъ,

будучи недоволенъ кѣмъ-нибудь изъ людей, записавшихъ ему свою душу, обращаетъ его въ волка и заставляетъ его рыскать по домамъ своихъ родныхъ. Родные узнаютъ своего ближняго и кормятъ его. Состояніе *Вавкалѣки* самое жалкое, невыносимое; онъ безпрестанно рыскаетъ по полю, какъ будто бѣшенный; всегда недоволенъ чѣмъ-то и безпрестанно воетъ; впрочемъ, онъ не дѣлаетъ никому вреда, хотя и можетъ, по сообщенной ему силѣ. Власть производить (рѣбиць) *Вавкалѣкъ*, по словамъ Бѣлорусцевъ, принадлежитъ *чорту*, но она передается отъ него такъ-называемымъ *знѣхарямъ* (колдунамъ), въ силу которыхъ Бѣлорусцы очень вѣрятъ. Вѣроятно, это вѣрованіе перешло къ нашимъ предкамъ отъ самыхъ древнихъ временъ языческихъ. Этотъ *Вавкалѣка* не то же ли, что *Лусаон*, о которомъ Овидій упоминаетъ въ своихъ *Превращеніяхъ* (См. Ovid. Metamorphoseon. Lib. I. vers. 230..... 240)? Толки о *Вавкалѣкѣ* чрезвычайно разнообразны въ Бѣлоруссіи, такъ-что въ этомъ случаѣ очень умѣстна пословица Бѣлорусская: *што горадъ, то нѣравъ* (во всякомъ городѣ свой обычай). *Поговорки: Спрыкрывся, якъ Вавкалѣка* (Надоуль, наскучилъ, словно Вавкалѣка). *Бы Вавкалѣка шпырыць* (Какъ-будто Вавкалѣка рыскаетъ, то есть, безпріютный).

IV. Вастрѣха.

Вастрѣха то же, что Астрея, богиня правды и цѣломудрія. О ней большею частию сохранилось повѣрье въ Могилевской Губерніи, въ Оршанскомъ и

Бабиновичскомъ Уѣздахъ, и частью въ Витебской Губерніи. *Поговорка: Бѣшь, якъ-бы Ваструха* (Видишь, какъ-будто *Ваструха*, то есть, какъ-будто цѣломудренная, справедливая.

V. *Дзівва*.

Дзівва — верховное божество, заимствованное у Поляковъ. Бѣлорусцы клянутся этимъ божествомъ. Вотъ ихъ клятва: *Да-Дзівва*, то есть, да будетъ съ вами богиня—*Дзівва*. Впрочемъ, вѣрованіе въ *Дзівву* не у всѣхъ Бѣлорусцевъ господствуетъ.

VI. *Дзідка*.

Дзідка—что-то похожее на *Дажбога*,—податель богатства. Бѣлорусцы вѣрятъ, что *Дзідка* ходитъ (днемъ) по дорогамъ съ сумою, какъ нищій, и, встрѣтившись съ какимъ-нибудь несчастнымъ или бѣднякомъ, наводитъ на него сонъ прежде, нежели тотъ успеетъ замѣтить его. Если встрѣтившійся человекъ богатъ, но несчастенъ, то *Дзідка* представляетъ ему во снѣ такое видѣніе, которое или предсказываетъ избавленіе отъ несчастія, или указываетъ средства самому избавиться отъ него. Разумѣется, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во снѣ *Дзідка* представляетъ себя, такъ-что человекъ (Бѣлорусецъ) тотчасъ узнаетъ, что ему явился во снѣ *Дзідка*. Узнать *Дзідку*, по словамъ Бѣлорусцевъ, можно потому, что онъ всегда является съ красными огненными глазами и съ такою же бородою. Если же встрѣтившійся человекъ—бѣднякъ, то *Дзідка*, наведши на него

сонъ, тайно снабжаетъ его нужнымъ количествомъ денегъ. Этому же *Дзідку* Бѣлорусцы считаютъ хранителемъ кладовъ. Они вѣрятъ, и стараются подтвердить свое вѣрованіе множествомъ рассказовъ, будто *Дзідка* съ огненными глазами и бородою является имъ (вечеромъ, ночью и днемъ) на томъ мѣстѣ, гдѣ зарытъ какой-нибудь кладъ; является не весь, но одна только его голова; отъ того-то говорятъ огонекъ на кладахъ бываетъ какъ-бы на поверхности самой земли. Догадливые люди, говорятъ Бѣлорусцы, ничего не боясь, смѣло подходятъ къ этому огоньку, зная, что это показанъ изъ земли *Дзідка* съ грошми (съ деньгами); подошедъ къ нему, нужно бросить на него какую-нибудь одежду. Знающій бросить, говорятъ, непременно шапку; а если нѣтъ съ нимъ шапки, то часть волосъ своихъ, вырванныхъ изъ головы. Незнающій же броситъ что-нибудь другое. Но это не все равно. Если кто броситъ шапку или волосы, то кладъ не уйдетъ далеко, а останется почти на поверхности земли. Если же кто броситъ свитку, то кладъ въ три раза глубже уйдетъ; а если сапоги (или лапти), то кладъ такъ далеко уйдетъ отъ поверхности земли, что нужно будетъ цѣлый вѣкъ свой копать землю на томъ мѣстѣ, пока выкопаешь кладъ. Вообще, по понятію Бѣлорусцевъ, кладъ тѣмъ глубже уйдетъ, чѣмъ дальше отъ головы или ближе къ ногамъ та одежда, которую бросишь на огонекъ. За такія большія милости *Дзідки*, Бѣлорусцы приписываютъ ему названіе *Дзідавой-Недѣли* (недѣли Млсопустной); то есть, говорятъ, будто предки ихъ въ честь *Дзідки* установили эту недѣлю. *Поговорки: Кабъ не*

Дзідка, праніць (Бѣда, если-бъ не Дѣдка, то есть, Дѣдка помочь горю). *Дзідзя гарыць* (?) (Дѣдка горитъ). Эта поговорка очень-замѣчательна: ее употребляютъ Бѣлорусцы въ то время, когда малыя дѣти ихъ обнаруживаютъ страсть къ деньгамъ, и какъ бы съ жадностію хватаютъ попавшіяся деньги: этимъ они хотягь охладить въ дѣтяхъ своихъ страсть къ деньгамъ: то есть, «не тронь, деньги горячи, ихъ трудно добыть».

VII. Зорка.

Зорка то же, что Аврора, — богиня счастья и судьбы. По понятію Бѣлорусцевъ, каждый человекъ имѣеть свою особенную *Зорку*, которая, какъ духъ-хранитель, неотступно находится при своемъ избранномъ. Вѣрять, что *Зорки* сотворены вмѣстѣ съ человекомъ, и назначены Богомъ для охраненія людей. Впрочемъ, трудно угадать, кого Бѣлорусцы собственно разумѣютъ подъ *Зоркою*: дѣйствительно ли духа-хранителя или кого-либо другаго? Изъ того, что *Зорку* они называютъ богинею, а не духомъ, мѣжно предполагать, что это какое-то второстепенное божество; а изъ того, что *Зорки* назначены Богомъ для храненія людей, можно заключить, что это—*духи*. Впрочемъ, изъ поговорокъ можно заключать, что *Зорка* у Бѣлорусцевъ какое-то божество. Вотъ поговорка: *Што уже зъ лѣгъ, калі жѣнь не у Зорки* (что изъ него будетъ, когда онъ не въ милости у *Зорки*, безъ покровительства *Зорки*, то есть, бездольный).

VIII. Калядá.

Калядá — божество веселья и радости. Въ честь его праздновали время отъ Рождества Христова до Нового Года. Еще и теперь по вечерамъ собираются хороводы парней или дѣвиць, и, устроивши кое-какую музыку, ходятъ по улицамъ деревни или села. Подходя къ окошку какого-нибудь дома, хороводъ пляшетъ и поетъ веселья пѣсни, прищѣвая: «*Ой, Калядáжъ ты нашъ, Калядáчку, да весѣлы-жъ Калядá! . . .*» Хозяева домовъ очень довольны бываютъ посѣщеніямъ такихъ гостей и щедро награждаютъ ихъ, преимущественно колбасами. *Поговорки: Калядавáвъ, калядавáвъ, пакўль экалядавáвся* (Веселился, веселился (кутилъ), пока все промотался). *Калі не на Каляду, пабадзэцьца, дакъ калі-жъ болы?* (Если на Каляду, т. е. въ праздникъ Каляды, не покутить, то когда же больше?).. Впрочемъ, о Калядѣ много было писано, и потому мы не считаемъ нужнымъ слишкомъ распространяться о немъ.

IX. Купáло.

Купáло — покровитель цвѣтовъ и плодовъ. О *Купалѣ* также много было писано. Упомяну здѣсь о томъ, что неизвѣстно еще читающей публикѣ. Вотъ обрядъ въ честь *Купалы*. Въ Ивановъ день, съ разсвѣтомъ, собирается, по условленному договору, хороводъ молодыхъ дѣвиць, начиная съ 16 лѣтъ и далѣе; общимъ голосомъ выбираютъ изъ хоровода одну самую дородную, самую красивую дѣвицу, и нарекаютъ ее *Дзівко-Ку-*

нало. Выбранная въ Купалы гордится своимъ достоинствомъ, и потому, не желая унижить его, старается во всемъ угодить своему хороводу. Избравъ дѣвицу, хороводъ раздѣляетъ ее и обвиваетъ все ея тѣло, съ головы, приготовленными для того вѣнками изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Таковъ, по понятію Бѣлорусцевъ, *Купало*. Убравши такимъ образомъ дѣвицу, хороводъ ведетъ ее въ лѣсъ въ опредѣленное мѣсто, гдѣ приготовлена глубокая яма. Въ ямѣ набросано множество вѣнковъ изъ свѣжихъ и сухихъ цвѣтовъ. *Дѣву-Купало* вводятъ въ яму съ завязанными глазами. Потомъ, хороводъ кольцомъ кружится вокругъ ямы. Между тѣмъ, *Дѣва-Купало* безъ разбора беретъ вѣнки, находящіеся въ ямѣ, и раздаетъ ихъ, кому ни попало изъ кружащихся вокругъ ямы дѣвицъ. Если какой дѣвицѣ попадетъ вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, то это значитъ, по ихъ понятію, что эта дѣвица въ замужствѣ будетъ счастлива и богата. Поэтому, сей-часъ все начинаютъ плясать, припѣвая, съ обращеніемъ къ *Дѣву-Купалу*, каждая по-одиначкѣ, веселыя пѣсни (одного, впрочемъ, содержания, которыя по длиннотѣ своей здѣсь опускаются). Напротивъ, если которой дѣвицѣ попадетъ вѣнокъ изъ сухихъ цвѣтовъ, то это значитъ, что она въ замужствѣ будетъ несчастна и бѣдна. Тогда уже не пляшутъ, а садятся все вокругъ ямы, и умоляющимъ, заунывно-протяжнымъ голосомъ зываютъ (поютъ) къ *Дѣву-Купалу*:

Переводъ.

Ай, Купало-жъ, ты, Купало, Ой, Купало-жъ, ты, Купало,
Да скажи-жъ ты намъ цѣ- Скажи ты намъ теперь,
перъ,

Што-жъ гѣта јой выпало, Чтожъ это ей выпало,
Ай, скажи-жъ ты цѣперъ. Ай, скажи-жъ ты теперь.

Дѣва-Купало въ такомъ же тонѣ отвѣчаетъ :

<i>Счасья, доли,</i>	<i>Переводъ.</i>	<i>Счастлиа, доли,</i>
<i>Не бачиць јой.</i>		<i>Не видать ей,</i>
<i>Жыць у недоли.</i>		<i>Жить въ недоли,</i>
<i>Одъ-же-жъ, одъ јой</i>		<i>Вотъ судьба ей!</i>

За тѣмъ опять продолжаютъ ворожить. *Дѣва-Купало*, по прежнему, раздаетъ вѣнки; и этотъ обрядъ продолжается до тѣхъ поръ, пока каждая изъ находящихся тутъ дѣвицъ не выворожитъ своей судьбы. Наконецъ, вечеромъ, по данному знаку *Дѣву-Купалы*, весь хороводъ опростетъ бѣжить отъ ямы, не оглядываясь, боясь, чтобы Купало, выскочивъ изъ ямы и пустившись въ погоню, не поймалъ какой-нибудь: потому что, по мнѣнію Бѣлорусцевъ, та дѣвица, которую поймаетъ Купало, не выйдетъ замужъ въ томъ году. Вѣрованіе въ *Купалу*, равно какъ и въ Коляду, существуетъ по всей Бѣлорусси.

Жили Модо.

Модо то же, что и у древнихъ Славянъ, — покровитель любви. У Бѣлорусцевъ есть много пѣсенъ и поговорокъ, въ которыхъ очень часто упоминается *Дидъ-Модо*, *Дидъ-Модо*, но все это не ясно, смѣшано: трудно найти опредѣленный смыслъ. Вотъ, между прочимъ, Бѣлорусская поговорка: *Не зъ Модою мужъ, не зъ Модою жонка* (Мужъ не по любви, жена не по любви).

XI. *Лелію.*

Лелію (Лілію, Люлію) — купидонъ съ крылышками. Быть можетъ, баюканье Бѣлорусскихъ нянюшекъ: *Лелю! Люлю! Лілію!*... есть призываніе купидона для охраненія младенцевъ во время ихъ сна? Это же подтверждается слѣдующими Бѣлорусскими пѣснями, которыя поютъ няньки, убаюкивая дѣтей:

Переводъ.

Ой, Лілію, Лілію!	Ой, Лілію, Лілію!
Придзи къ дзвонцу,	Приди къ дятятю,
Да дай спаці!	Дай ему уснуть.
Ой, Лілію, Лілію!	Ой, Лілію, Лілію!
Ой, Лелю, Лелю,	Ой, Лелю, Лелю!
Придзи къ пасьцелі!	Приди къ колыбелі!
Ой, Люлю, Люлю,	Ой, Люлю, Люлю!
Приснися Петрулі!	Явись во снѣ Петрушѣ!

Кромѣ того, Бѣлорусцы рассказываютъ, будто бы во время такого убаюкиванія дѣтей, дѣйствительно носится надъ колыбелью засыпающаго младенца *Лелію*, едва замѣтный, въ родѣ какого-то тумана.

XII. *Пагода.*

Пагода, — какая-то воздушная стихія — вѣтеръ или буря. Вотъ, между прочимъ, пѣсна Бѣлорусцевъ при закатѣ солнца:

Переводъ.

- 1) Чы пень, чы калода! Пень ли ты или калода!
Чы будзе завтра погода? Скажи, будетъ ли завтра погода?
- 2) Ай, Пагодажъ, Пагода! Ахъ, Пагодажъ, Пагода!
А гдзѣжъ мая надзоба? Скажи, гдѣ мнѣ искать счастья?

Эти воззванія Бѣлорусцы особенно употребляютъ находясь въ лѣсу, думая, что здѣсь живетъ *Пагода*, и потому услышитъ ихъ. Къ этому обстоятельству должны быть примѣнены слова: *пень-калада*.

XIII. *Перунъ.*

Перунъ — богъ грома и молніи. По понятію Бѣлорусцевъ, *Перунъ* имѣетъ большую голову съ черными волосами и глазами, длинную золотую бороду; онъ высокаго роста, плечистъ; въ лѣвой рукѣ носитъ колчанъ съ стрѣлами, а въ правой — лукъ. Бѣлорусцы вѣрятъ, что *Перунъ*, видя пороки людей, разбѣзжаетъ по небу на огненной колесницѣ, съ огненнымъ лукомъ въ рукахъ, съ тѣмъ, чтобы пугать людей: отсюда они изъясняютъ явленіе грома. Когда же *Перунъ* увидитъ, что люди не пугаются его грома, то, желая наказать нераскаянность людей, пускаетъ изъ огненного своего лука стрѣлу, которая съ огнемъ испадаетъ на землю и нерѣдко производитъ пожаръ: отсюда изъясняютъ явленія молніи. Последнее вѣрованіе свое Бѣлорусцы подтверждаютъ тѣмъ фактомъ, будто бы

послѣ пожара, произведеннаго молніею, всегда находятъ на землѣ какую-то чудесную стрѣлу. *Поговорки: Кабъ цѣбѣ Пѣрунь трѣснуваъ* — пусть тебя Пѣрунь (громъ) убьетъ (изъ огненного лука). *Якѣ тамъ Пѣрунь лѣскае* — что тамъ за грохотъ такой? — О Перунѣ знаютъ все Бѣлорусцы безъ исключенія.

XIV. *Расамáха.*

Расамáха — какой-то грозный духъ. Бѣлорусцы представляютъ его страшнымъ чудовищемъ, состоящимъ изъ половины человѣка и половины льва, т. е., заднія ноги его и другія части до груди — человѣческія, остальные же — львиныя; весь онъ покрытъ длинною, самою бѣлою шерстью; ходитъ на заднихъ ногахъ. Вѣрятъ, будто *Расамáха* всегда живетъ въ конопляхъ (куда дѣвается зимою — неизвестно), и выходитъ только ночью для прискаанія корму; вѣрятъ такъ же, будто она, увидѣвъ нѣсколькихъ людей, нападаетъ на самаго молодого изъ нихъ (старыхъ не трогаетъ); напавши на свою жертву, она не душитъ его, но, прогрызая у живаго черепъ, высасываетъ мозгъ; высосавши же мозгъ, тѣло бросаетъ. *Поговорка: Кабъ цѣбѣ Расамáха задрала.* Не то ли же это, что у Славянъ — Чернобогъ? . . .

XV. *Русáлки.*

Русáлки — водяныя Нимфы. Бѣлорусцы представляютъ ихъ нагими, кое-гдѣ прикрытыми сухими

листьями; вѣрятъ, будто бы онѣ живутъ въ озерахъ, и при свѣтлой лунѣ плещутся у береговъ озеръ; это они дѣлаютъ для того, чтобы заманить къ себѣ проходящихъ. Горе, говорятъ, тому человѣку, который подойдетъ къ нимъ: онѣ тотчасъ выбѣгаютъ изъ воды, бросаются на несчастную жертву и шекочутъ его до тѣхъ поръ, пока не зашекочутъ до смерти. *Поговорка: Шлакбчецьца, бы Русáлка,* — шекочется, какъ Русалка.

XVI. *Чуръ-богъ.*

Чуръ-богъ — богъ границы. До сихъ поръ еще есть остатки вѣрованія, будто у каждаго хозяина есть свой *Чуръ-богъ* на границѣ его участка земли. Поэтому-то и теперь еще сохраняется обычай въ Бѣлоруссіи — насыпать на границѣ своихъ участковъ высокой земляной бугоръ. Бугоръ этотъ огораживаютъ частоколомъ, и никакой дерзкой не осмѣлится разрыть этотъ священный бугоръ, опасаясь, чтобы тѣмъ не разгнѣвать *Чуръ-бога*, который тамъ живетъ и охраняетъ землю хозяина отъ хищности звѣрей и грабительства людей. *Поговорка: Чуръ табѣ на языкъ!* — посадилъ бы ты на своемъ языкѣ *Чуръ-бога*, т. е., далъ бы ты границу своему языку, или перестань говорить!

XVII. *Ягá-баба—касцянáя-нагá.*

Ягá-баба—касцянáя-нагá — злобный духъ въ образѣ гадкой старухи. Бѣлорусцы представляютъ ее

вздвигаетъ въ желѣзной ступѣ и погоняющею огненно-горящею метлою воздушныя силы, которыя при-водятъ въ движеніе ея ступу; думаютъ, что она живетъ въ воздухѣ. Когда она ѣдетъ, говоритъ, земля стонетъ, вѣтры свистутъ, звѣри воютъ, домашній скотъ прячется въ хлевы; самыя даже нечистыя силы, везущія ея ступу, страшно ревутъ, — такъ что еще не видно ни *Яги-бабы*, ни ея колесницы, а страшныя явленія, сопровождающія ея путешествіе, даютъ знать, что нѣчто злобное летитъ на землю. У Бѣлорусцевъ есть повѣрье, что Яга-баба появляется тогда, когда у нея не станетъ человѣческаго мяса, которымъ она питается. Принявъ образъ старухи, она является въ домъ какого-нибудь семьянина, и, воспользовавшись, при помощи своей демонской хитрости, простотою мужичка, похищаетъ у него дитя. Рассказываютъ, будто бы однажды Баба-Яга уронила въ воздухѣ дитя, и оно упало мертвое на кровлю того же дома, гдѣ оно было похищено. *Поговорка: Вытрецьмася ясь баба-яга-касьцяндл-нага*, т. е., вытаращила такіе страшные глаза, какъ-будто сама Баба-яга — костяная нога.

XVIII. Ярыло.

Ярыло — богъ весны и плодоносія. Бѣлорусцы представляютъ его молодымъ, красивымъ, разбѣжающимъ на бѣломъ конѣ. Но ихъ мнѣнію, Ярыло всегда бываетъ покрытъ бѣлою мантиєю; на головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цвѣтовъ; въ правой рукѣ держитъ онъ человѣческую голову, а въ лѣвой — маленькій снопикъ (горсть) ржа-

ныхъ колосьевъ; «ноги у него босыя». Въ честь его Бѣлорусцы празднуютъ время первыхъ деревенскихъ посѣвовъ (въ Бѣлоруссіи) 27 Апрѣля. Обрядъ этого праздника слѣдующій. Вечеромъ (въ сумерки) хороводъ дѣвицъ собирается въ одинъ домъ, и тамъ избравши одну дѣвицу *Ярыломъ*, одѣваютъ ее точно такъ, какъ они представляютъ Ярыла, и сажаютъ ее на бѣлаго коня, привязаннаго къ столбу. Между тѣмъ, хороводъ извиается длиною вереницею вокругъ Ярылы и пляшетъ; у каждой дѣвицы непременно долженъ быть на головѣ вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, какіе только могутъ быть въ то время. Если же весна бываетъ теплая и благорастворенная, особенно если самый день праздника хорошъ, то этотъ обрядъ совершается съ разсвѣтомъ дня на чистомъ полѣ, даже на посѣянныхъ нивахъ. Старики-семьяне не только не препятствуютъ этой забавѣ молодыхъ дѣвицъ, но и сами присутствуютъ при ней.

Во время пляски дѣвицы поютъ въ одинъ голосъ пѣсню, въ которой изображены дѣйствія этого мнимаго бога, будто бы онъ ходитъ по всему свѣту, на нивахъ рожь раститъ, и людямъ приносить чадородіе.

А гдѣжъ јонъ ногою,	А гдѣ онъ ступитъ ногою,
Тамъ жыто капою,	Тамъ рожь растетъ густо (хорошо),
А гдѣжъ јонъ ни вырнѣ,	А на какое мѣсто взглянетъ,
Тамъ коласъ зацвѣцѣ.	Тамъ колось зрѣетъ.

Пѣсня эта очень длинна. Замѣчательно, что въ хороводныхъ праздникахъ Бѣлорусскихъ главную и

исключительную роль играют дѣвѣны, а не мужчины (парни) (*).

XIX. Цмокъ.

Цмокъ—духъ въ видѣ змѣи. Три рода Цмоковъ насчитываютъ Бѣлорусцы. Именно: 1) *Цмокъ*—общій (Цмокъ), 2) *домовой* (домовикъ) и 3) *льсовый* (лѣсовикъ). Объ общемъ Цмокѣ Бѣлорусцы мало знаютъ: кажется, это, по ихъ понятію, просто дѣволъ. Общій Цмокъ имѣетъ въ своей власти и распоряженіи всѣхъ другихъ Цмоковъ: всѣ прочіе Цмоки должны давать отчетъ Цмоку *общему*. — У каждаго семьянина, говорятъ Бѣлорусцы, есть *домовой-Цмокъ* (но, какъ видно, это уже не дѣволъ). Онъ поселяется въ домѣ избраннаго имъ семьянина и, пока съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, не отходитъ отъ него къ другому семьянину. *Домовой-Цмокъ* носитъ своему семьянину деньги, дѣлаетъ нивы его плодосными, а коровъ дойными (то есть, дающими мно-

го молока); вообще онъ смотритъ за всѣмъ его хозяйствомъ. Разумѣется, все это дѣлается тайно, незамѣтно отъ семьянина; впрочемъ, каждый семьянинъ знаетъ своего *Цмока-домовика*, но не болѣе какъ своего, такъ-что одинъ семьянинъ не знаетъ *Цмока-домовика* другаго семьянина, даже рядомъ съ нимъ живущаго. За такія услуги *Цмока-домовика*, семьянинъ, съ своей стороны, долженъ всякій день готовить для него яичницу, и ставить ее всегда въ сковородѣ на кровлѣ дома. Говорятъ, что когда одинъ семьянинъ не приготовилъ для своего *Цмока-домовика* яичницы, то *Цмокъ-домовикъ* въ ту же ночь сжегъ весь его домъ и перешелъ къ другому семьянину. Но этотъ обычай не повсемѣстенъ въ Бѣлоруссіи; болѣе господствуетъ слѣдующій. Каждый семьянинъ, съ своей стороны, обязанъ, въ извѣстные дни года, готовить яичницу для своего *Цмока-домовика*, и, прикрывъ ее частымъ рѣшетомъ, ставить на *гулицы* (мѣсто при гумнѣ). *Льсовый Цмокъ* (Лѣсовикъ), говорятъ Бѣлорусцы, неприимый врагъ *домовика*, и потому-то онъ все дѣлаетъ на зло ему. Онъ моритъ у хозяевъ скотъ, дѣлаетъ нивы ихъ неурожайными, ночью высасываетъ молоко у коровъ и похищаетъ дочерей. Этотъ-то *Цмокъ-льсовикъ* нерѣдко поѣдаетъ яичницы, приготовленные для *Цмоковъ-домовиковъ*. Забавный случай въ этомъ отношеніи рассказываютъ Бѣлорусцы, будто бы, однажды, *Цмокъ-льсовикъ* прежде времени успѣлъ окончить порученія *Цмока* общаго и прилетѣлъ къ одному семьянину съѣсть яичницу, приготовленную для *Цмока-домовика*. Въ это время прилетѣлъ и *Цмокъ-домовикъ*. Произошла драка, и на

(*) Въ этомъ очевиденъ противъ и миролюбивый нравъ Бѣлорусцевъ. Праздникъ Ярилу совершался и въ другихъ частяхъ Россіи, наприм. въ Воронежѣ, гдѣ благочестивый Епископъ Тихонъ (столь извѣстный своими душевнеспасительными твореніями) принужденъ былъ употребить все вліяніе своего святительскаго сана къ уничтоженію сего праздника въ народѣ. Тамъ наряжали молодого человѣка и съ пляскою выводили его за ворота въ поле, гдѣ происходило такъ-называемое *игрище* съ плясками, пѣснями, пляснствомъ и кулачными боями или простыми драками. *Прим. Ред.*

шумъ, произведенный ими, стеклись поселяне со всей деревни. Но Цмоки, говорятъ, постыдились, и улеглись. После этой драки на гуляницы осталось много крови и нѣсколько клочковъ мяса... Вообще о Цмокахъ въ Бѣлоруссiи сохранилось много преданий, и все онѣ одно другаго забавише и замысловатише. Не знаемъ, можно ли Цмока Бѣлорусскаго назвать тѣмъ самымъ Змокомъ, котораго Г. Касторскiй приписываетъ Польшѣ. (См. его Начертанiе Слав. Мифолог., стр. 57). Нѣтъ сомнѣнiя, что этотъ Змокъ въ Польшѣ то же, что Цмокъ въ Бѣлоруссiи, и что даже гораздо вѣрише будетъ, если и Польскаго духа назвать Цмокомъ, а не Змокомъ. Это можно доказать производствомъ словъ Змокъ, Цмокъ, и самымъ дѣломъ (фактомъ). Если этого духа назвать Змокомъ, то не лзя будетъ найти корня этого слова ни въ Польскомъ языкѣ, ни въ Бѣлорусскомъ нарѣчiи. Развѣ въ Русскомъ? Но если производить корень этого слова изъ Русскаго языка, то свойства, приписываемыя Цмоку въ Бѣлоруссiи и Змоку въ Польшѣ, ничуть не оправдаютъ этого словопроизводства. Такъ, если производить змокъ отъ *мокнуть* (а иначе не лзя на Русскомъ языкѣ, то этимъ ничуть не опредѣлишь значенiя слова Змокъ. Но съ какой стати искать корня этого слова въ Русскомъ языкѣ? Равно и опытъ не доказываетъ мнѣнiя Г. Касторскаго. Въ Польшѣ много рассказываютъ очень страшнаго про Цмока, и все эти рассказы похожи на рассказы Бѣлорусцевъ. Различiе въ томъ, что въ Польшѣ знаютъ одного Цмока (общаго), который, по мнѣнiю Бѣлорусцевъ, есть дiаволь, а въ Бѣлоруссiи насчитываютъ три рода

Цмоковъ. Напротивъ, если мы назовемъ этого духа Цмокомъ, то это слово очень легко и вѣрно можно произвести отъ его корня какъ Бѣлорусскаго, такъ и Польскаго, и значенiе его не будетъ противорѣчить самымъ дѣйствiямъ, приписываемымъ Цмоку. Такъ слово Цмокъ происходитъ отъ глагола *цмокаць* (смокать), который и на Бѣлорусскомъ нарѣчiи и на Польскомъ языкѣ значить — *свистать*, шелкать зубами, шипѣть по-змѣиному. Корень вѣренъ и такой предикатъ очень идетъ къ змѣѣ. Итакъ, Цмокъ Бѣлорусскiй и Змокъ Польскiй есть одинъ и тотъ же нечистый духъ въ образѣ змѣи.

ДРЕВЛЯНСКIЙ.

покойникъ богатъ, то раздають бѣднымъ и деньги, а иногда новыя платья, башмаки и сапоги. Окончивъ тризну, Священникъ возвращается съ родными покойника въ домъ его, гдѣ, освятивъ воду, кропитъ всю комнату, гдѣ лежалъ покойникъ, а гости еще съ кладбища расходятся по домамъ. На 3-й день всю одежду покойника раздають бѣднымъ. Болгаре также исправляютъ третины, шестины, десятины и сорочины; въ эти дни, т. е. въ 3-й, 6-й, 9-й и 40-й, готовятъ кушанье, какъ въ день похоронъ, и послѣ Литургіи отправляются вмѣстѣ съ Священникомъ на кладбище, потомъ угощаютъ всѣхъ по прежнему. Болгарскія кладбища находятся внѣ городовъ и селеній и притомъ не загорожены, и безъ церквей; отъ того не ставятъ на могилахъ хорошихъ памятниковъ, потому что Турки ночью расхищаютъ ихъ; богатые обыкновенно кладутъ сверхъ могилы длинный кусокъ мрамора, съ надписью о днѣ рожденія и смерти, трудахъ и заслугахъ покойника, а въ головахъ ставятъ мраморный крестъ, въ аршинъ вышины, съ ящичкомъ, гдѣ помѣщается маленькая лампада, которую сторожъ зажигаетъ въ извѣстные дни, иногда до истеченія года. У нѣкоторыхъ она теплится нѣсколько лѣтъ.

Болгаре чрезъ каждые три года раскапываютъ могилы покойниковъ, дабы посмотрѣть, истлѣли ли ихъ тѣла. Если, по качеству земли, или по какой-либо другой причинѣ, трупъ остался неразрушеннымъ, то вновь отгѣваютъ покойника. При этомъ, кромѣ Священниковъ, долженъ участвовать и Архіерей. Потомъ опять зарываютъ могилу; по истеченіи трехъ лѣтъ, снова отрываютъ ее, и если найдутъ трупъ

БѢЛОРУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПОВѢРЬЯ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ (1).

XX. Вазѣла.

Вазѣла, — покровитель лошадей. Бѣлорусцы представляютъ его въ человѣческомъ образѣ, съ лошадиными ушами и копытами; въ одеждѣ, впрочемъ, человѣческой, — для отличія отъ *Кумельдана* (2), который весь покрытъ лошадиною шерстью. По понятію Бѣлорусцевъ, всякій хозяинъ имѣетъ своего *Вазѣлу*, который заботится о размноженіи лошадей и предохраняетъ ихъ отъ болѣзней и припадковъ. *Вазѣла*, говорятъ, большею частью живетъ въ хлѣвахъ лошадиныхъ, но также всегда присутствуетъ и на такъ-называемыхъ ночлегахъ, когда лошади пасутся большими табунами. На этихъ ночлегахъ особенно необходимо присутствіе *Вазѣлы*

(1) Первая статья помѣщена во второй книжкѣ Прибавленій къ Ж. М. Н. Пр. 1846 года.

(2) См. ниже.

какъ для предохраненія лошадей отъ нападенія волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей, такъ — главное — для защищенія ихъ отъ ухищреній непремиримаго врага его *Кумельгана*. Въ слѣдствіе такого повѣрья, Бѣлорусскіе пастухи, часто, беззаботно проводятъ ночлегъ въ гулянкахъ, или спятъ, вовсе не присматривая за вѣренными имъ табуномъ хозяйскимъ, и предоставляя лошадей заботливости и бдительности Вазилы. Они, обыкновенно, вколочиваютъ на мѣстѣ ночлега огромный шестъ, и выкаютъ на него костякъ лошадиной головы, думая, что это символическое изображеніе Вазилы спасетъ табунъ отъ всѣхъ могущихъ встрѣтиться опасностей. Говорятъ даже, будто, въ случаѣ нападенія какого-нибудь звѣря и даже Кумельгана на табунъ, лошади, по какому-то инстинкту, сбѣгаютъ на то мѣсто, гдѣ вколоченъ шестъ съ головою Вазилы, и здѣсь находятъ себѣ спасеніе: потому что ни звѣрь, ни Кумельганъ не смѣетъ подойти къ этому мѣсту. Бѣлорусскіе хозяева до того увѣрены въ покровительствѣ Вазилы, что часто оставляютъ лошадей своихъ на полѣ, ночью, однихъ безъ пастуха, думая, что Вазила будетъ пасти ихъ. *Вазила навезэ* (Вазила будетъ водить, руководствовать), говорятъ обыкновенно въ этомъ случаѣ.

Бѣлорусцы особенно уважаютъ Вазилу (отъ чего онъ, можетъ быть, и называется — Вазила) за то, что онъ, будто бы ночью, привозитъ на себѣ какую-то особенную траву и мѣшаетъ ее въ кормъ лошадиный, отъ которой лошади крѣпнутъ и дѣлаются сильными и рослыми. Не одинъ Бѣлорусскій хозяинъ часто увѣряетъ другаго, будто онъ на-

ходить траву эту въ ясляхъ и имѣетъ ее на всякой случай. . . . Рассказываютъ также много случаевъ, что Вазила, будто бы, найдя Кумельгана въ хлѣвѣ, беспощадно его мучитъ, и что слышенъ бываетъ ужасный стукъ и топотъ, происходящій отъ драки Вазилы съ Кумельганомъ. Вазила въ большомъ уваженіи въ Бѣлоруссіи, но онъ не вездѣ извѣстенъ подъ однимъ и тѣмъ же именемъ: гдѣ называютъ его *Канькачомъ*, гдѣ — *Хлѣвникомъ*, гдѣ — *Табунникомъ*, а гдѣ — *Вѣсусникомъ*. Поговорка: *спабрався, якъ Вазила зъ Кумельганомъ—сцѣпился* (т. е. драться) какъ Вазила съ Кумельганомъ; *навазіеся безъ Вазилы* — намучился безъ (помощи) Вазилы; *ничаесяньки, бадай Вазила*—ничего, лишь бы (былъ здѣсь) Вазила.

XXI. Гарцуки.

Гарцуки—горные духи. Бѣлорусцы вѣрятъ, что въ большихъ горахъ живутъ духи, подчиненные Перуну. По ихъ понятію, духи эти, при восходѣ и закатѣ солнца, играютъ на горахъ, какъ дѣти: въ полдень стрѣлой носятся они на лошадяхъ по полямъ и лѣсамъ, а ночью, въ видѣ разныхъ хищныхъ птицъ, летаютъ въ воздухѣ, по порученію Перуна. Гарцуковъ, говорятъ, безчисленное множество: всѣ они по-очередно находятся на службѣ у Перуна; эти самые Гарцуки возятъ на небѣ *громо-вой жерновъ*, на которомъ разѣзжаетъ Перунъ съ огненнымъ лукомъ. Въ Бѣлоруссіи есть повѣрье, будто Гарцуки производятъ вѣтры, бури, вихри и

другія разрушительныя явленія Природы. Такъ вѣтеръ, говорятъ, происходитъ отъ того, что Гарцуки, въ видѣ птицъ, разыгравшись въ воздухѣ, своими крыльями производятъ необыкновенное колебаніе въ воздухѣ; чѣмъ сильнѣе они машутъ крыльями, тѣмъ сильнѣе бываетъ вѣтеръ, такъ-что поднимается буря. Вихри, говорятъ, происходятъ отъ того, что Гарцуки, въ видѣ дѣтей, разыгравшись, начинаютъ бѣгать въ-запуски одинъ за другимъ круговращательно, отъ чего несокъ столбомъ поднимается вверхъ. Слово «Гарцукъ» происходитъ отъ *гарцо-ваць* — играть, бѣгать въ запуски (собственно, по горамъ), отсюда — *Гарцукъ* значитъ играющій, бѣгающій по горамъ въ-запуски. Поговорки: *Рана узгарцавався, штобъ вѣчерамъ не згартавався* — рано играешь (веселишься), какъ бы вечеромъ горе тебя не посетило; *не гарцаваць ба, какъ не долл* — не кутилъ бы, если бъ не удача во всемъ; *чамужъ не гарцаваць, калі будзе шанцаваць* — отъ чего же не повеселиться, если повезетъ счастье.

XXII. Дзѣво́ла.

Дзѣво́ла — богиня дѣвства. У Бѣлорусцевъ есть обычай, при выходѣ дѣвицы въ замужество, праздновать послѣдній день ея дѣвства. Для этого, обыкновенно, вечеромъ того дня, въ домъ невесты собирается хороводъ ея подругъ. Невѣста встрѣчаетъ своихъ подругъ со слезами и бросается въ ихъ объятія. Хороводъ подругъ то же плачетъ и сквозь слезы поетъ:

1) Ахъ, Дзѣво́ла, ахъ, Дзѣво́ла!
Ой не стала зновъ адно́ва;
Не твоя уже жѣна
Завтра, завтра будзе жѣна.

Да Дзѣво́чка!

Да Дзѣво́чка!

Да не кривдазь жежткѣ ты насъ,
Не збазэй ее адъ насъ.

Переводъ. Ахъ, Дзѣво́ла, ахъ Дзѣво́ла!
Ой не стало снова одной;
Не твоя ужь она
Завтра, завтра будетъ-то.

Да Дзѣво́чка!

Да Дзѣво́чка!

Да не обимайже жъ ты насъ,
Не отнимай ее у насъ.

Пѣсню эту, безпрестанно прерываемую всхлипываніемъ, поютъ долго, пока наконецъ невеста и подруги ея успокоятся нѣсколько. Успокоившись, невеста проситъ подругъ садиться, а сама уходитъ; чрезъ нѣсколько минутъ она опять является и проситъ подругъ итти съ нею въ *кльць* (*), гдѣ складывается заготовленное для невесты приданое. Тутъ-то, въ этой *кльци* начинается смотръ всему приданому по одиначкѣ, съ припѣвомъ на всякую вещь. Припѣвы эти выражаютъ сожалѣніе дѣвицы о потерянной подругъ; соединеніе всѣхъ ихъ можно выразить слѣдующими словами: какъ ни хороши эти

(* *Кльць* — кладовая въ одномъ зданіи съ жилыми комнатами, гдѣ хранится, большею частью, только платье и бѣлье.

наряды, все же они не правятся намъ, потому что напоминаютъ о потерѣ нашей дѣвичьей золотой свободы (*волюшки*), съ лишеніемъ которой каждая изъ насъ лишается покровительства *Дзѣвѳи*. Наконецъ, когда невѣста вынетъ *наметку* (*), и передастъ ее своимъ подругамъ, тогда выхлипыванія возобновляются: всѣ дѣвицы, какъ испуганныя, отскакиваютъ отъ невѣсты. Оставшись одна, невѣста заливается слезами, и поетъ медленно, вполголоса:

2) Не пакінула менѣ,
Божничка еще Дзѣвѳа,
А вже кінули усѣ,
Ба спужалися завѳа (*).

А Дзѣвѳечка,
Да Дзѣвѳечка!
Чы вджэ я
Не твая?

Переводъ. Еще я не лишилась
Покровительства богини Дзѣвѳи,
А ужъ бросили меня всѣ,
Потому что испугались завѳа.

О Дзѣвѳечка!
Да Дзѣвѳечка!
Не ужели же я
Уже не твоя?

Тутъ дѣвицы опять бросаются къ невѣстѣ и каждая наперерывъ обнимаетъ ее, стараясь выразить свое расположеніе къ ней и сожалѣніе о поте-

(* *Наметка*—головной уборъ замужней Бѣлорусянки.

рѣ своей подруги. Затѣмъ, поютъ, не отступая отъ невѣсты:

3) Штожъ намъ рѳиць, штожъ намъ рѳиць
А зязюлочка (*) жэ ты наша?
Радьбѣ вѳещэ выневолицэ,
Да дарѣмна будзе праца.

Штожъ намъ рѳиць, штожъ намъ рѳиць?
Кѳли наведэ и Дзѣвѳа
Цябѣ не вѳомже выневолицэ
Зѣ маладзѳицкага завѳа?

Штожъ намъ рѳиць, штожъ намъ рѳиць
Любенькая сѣстричэчка?
Думаешъжежэ намъ не шкѳдзѳиць,
Што цябѣ (у насѣ) не астанѣцца?

Штожъ намъ рѳиць, штожъ намъ рѳиць?
Вѳѳабраваць бѣ у Дзѣвѳи
Ласки ля цябѣ; да не злѳлѣць:
Не ее бачѣ ты зѣ-сягѳднѳи.

Переводъ. Что жъ намъ дѣлать, что жъ намъ дѣлать
Горемька ты наша?
Радь бы тебя избавить (отъ этого горя), —
Да попусту будетъ наше старанье.

Что же намъ дѣлать, что же намъ дѣлать?
Когда даже и сама Дзѣвѳа
Не можетъ тебя избавить
Отъ замужняго завѳа?

Что же намъ дѣлать, что же намъ дѣлать,
Миленькая сестричка?

(*) *Зязюлочка* или *Зязюлька* собственно значить кукушка, въ переносномъ смыслѣ — плачущій, горящій неутѣшно, горемька, а иногда также — миленькій, ая, голубушка.

Неужели же ты думаешь, что намъ не жаль будетъ,
Когда тебя не станеть (у насъ)?

Что же намъ дѣлать, что же намъ дѣлать?
Мы стали бы вымаливать у Дѣвои
Милости тебѣ; да ничто не поможетъ,
Потому что завтра ты будешь ужь не ея.

Послѣ этихъ выраженій сожалѣнія и готовности помочь при малѣйшей возможности, дѣвицы на-
дѣваютъ на голову своей подруги—невѣсты наметку,
и ведутъ ее въ комнату, гдѣ уже собрано на
столѣ. Всѣ дѣвицы садятся за столѣ, но *невѣста въ наметку*
не садится на приготовленное для нея
мѣсто: она услуживаетъ своимъ подругамъ, по-
дастъ имъ кушанья, питье и пр. При всякой пере-
мѣнѣ кушанья, она перемѣняетъ и у себя, хотя
сама ничего не ѣсть. Въ продолженіе всего этого
угощенія царствуетъ глубокая тишина. При этомъ
угощеніи, равно какъ и при всей этой церемоніи, не
бываетъ никого изъ родныхъ невѣсты, за исключе-
ніемъ только сестеръ ея. Послѣ *общаго угощенія*, не-
вѣста одна садится за столѣ — *безъ наметки*, и тутъ
услуживаютъ ей всѣ подруги, наперерывъ желая
угодить будущей *маладзіцѣ* (замужней женщицѣ).
По окончаніи *угощенія невѣсты*, дѣвицы незамѣтно
одна за другою уходятъ (даже и сестры ея), такъ
что наконецъ невѣста остается одна. Увидѣвъ себя
оставленною подругами, она заливается слезами, и,
всхлипывая, поетъ:

Переводъ.

4) А Дѣвочка
Да Дѣвочка!

О Дѣвочка
Да Дѣвочка!

Штожъ мнѣ рѣбиць?
Штожъ мнѣ рѣбиць?

Что же мнѣ дѣлать?
Что же мнѣ дѣлать?

А пакінули
Горкую менѣ,
Да-й-парынули
Каждая къ сабѣ.

Охъ!.. оставили
Горкую меня:
Да и разбрелись
Всѣ по своимъ домамъ.

Въ это время, родные, услышавъ ея рыданія,
входятъ къ ней и стараются утѣшить разными весе-
лыми разказами. На другой день, тѣ же подруги
являются къ невѣстѣ, и поздравляютъ ее съ жени-
хомъ, котораго они приводятъ къ ней.

Дѣвѳа известна почти во всей Бѣлоруссіи, толь-
ко подъ разными именами (напр. Калая, Гѳжия,
Сѣва ипр.).

XXIII. Жыжъ.

Жыжъ, богъ огня, то же, что *Зничъ* у Литов-
цевъ (или, лучше, древнихъ Ятвяговъ). Бѣлорусцы
вѣрятъ, будто *Жыжъ* то и дѣлаетъ, что расхажи-
ваетъ подъ землею и тамъ *выпускаетъ изъ себя огонь*.
Когда онъ ходитъ тихо, то чрезъ это, говорятъ, со-
грѣвается земля; когда же расхаживаетъ быстро,
то земля загарається; отсюда происходятъ пожары
въ различныхъ мѣстахъ поверхности земной; пожа-
ры эти, говорятъ, истребляютъ лѣса, выпаливаютъ
сѣнокосы, сушатъ огороды, поля, отъ чего они дѣ-
лаются бесплодными.

Впрочемъ, о *Жыжѣ* мало известно въ Бѣлорус-
сіи: его знаютъ только, кажется, въ Минской Губер-

ни. Поговорки: *Жыжэ упадзвяся*—Жижэ т. е. засуха или пожаръ стали часто появляться; *неумічны, якъ Жыжэ*—неотвязчивъ, прилипчивъ, какъ Жижэ; *Жыжэка сьла*—что-то въ родѣ сыни или лишая сѣло, показалось (на губахъ). *Жыжэка* въ собственномъ значеніи—прыщъ на губахъ, *огникомъ* иначе называемый еще въ Бѣлоруссіи.

XXIV. Жыцень.

Жыцень, богъ осени. Бѣлорусцы представляютъ Жыценя нѣсколько грознымъ, какъ будто вѣчно-недовольнымъ на кого-то. По ихъ понятію, Жыцень низкаго роста, тощъ, даже костливъ; довольно пожилыхъ лѣтъ, съ тремя глазами (третій на затылкъ); ходитъ очень тихо, согнувшись; съ вкляченными волосами. Жыцень, говорятъ, обыкновенно является на поляхъ и въ огородахъ послѣ совершенной уборки поспѣвовъ. Расхаживаетъ онъ по полямъ и огородамъ для того, чтобъ осмотрѣть, все ли хорошо убрано, какъ слѣдуетъ быть въ добромъ хозяйствѣ. Нашедши на *жыцёвнику* (*) много колосѣвъ, оброненныхъ жнецами, Жыцень собираетъ эти колосья и, связавши ихъ въ одинъ снопокъ, переноситъ на другой *жыцёвникъ*, гдѣ все убрано чисто, съ бережливостью. Слѣдствіемъ этого бываетъ неурожай въ слѣдующемъ году на томъ мѣстѣ, гдѣ Жыцень нашель много брошенныхъ колосѣвъ, а, наоборотъ, обильный урожай на той нивѣ, гдѣ оставилъ онъ снопокъ. Точно то же бываетъ и съ огородами, кото-

(*) *Жыцёвникъ*—мѣсто, гдѣ было посеяно что-нибудь и уже сжато.

рые поспѣваетъ Жыцень, и въ которыхъ находятъ неопрятность, безпорядки хозяйственные. Завидѣвши кого-нибудь изъ хозяевъ огорода, Жыцень подходитъ къ нему и грозитъ пальцемъ: это значить, что должно ожидать неурожая въ томъ огородѣ. Въ Бѣлоруссіи есть повѣрье, будто Жыцень является иногда въ видѣ нищаго съ обыкновеннымъ своимъ суровымъ лицомъ, грозя пальцемъ всякому встрѣчному. Явленіе это, говорятъ, всегда бываетъ предвѣстіемъ всеобщаго голода или сильнаго неурожая на слѣдующій годъ. Впрочемъ, въ этомъ видѣ Жыцень является большею частью такимъ хозяевамъ, которые бережливы и старательны по хозяйству, какъ бы изъ любви къ нимъ, для того, чтобъ предупредить ихъ объ угрожающей опасности и такимъ образомъ дать имъ средство приготовить запасъ хлѣба на голодный годъ. Наконецъ, Жыцень, по преданію Бѣлорусскому, присутствуетъ на полѣ при осеннихъ поспѣвахъ, и такъ какъ осенью на поляхъ собственно сѣютъ только рожь (*жыто*), то, кажется, отъ этого богъ осени у Бѣлорусцевъ названъ *Жыценемъ*, что значить—топчащій рожь (*жыто*), расхаживающій по полямъ, устьяннымъ житомъ, или просто расхаживающій по ржи. И дѣйствительно, Бѣлорусцы говорятъ, что Жыцень во время поспѣвовъ расхаживаетъ (съ грознымъ же видомъ) по поспѣянной ржи, и какъ бы все присматривается къ чему-то внизу, утаптываетъ всякое зерно, чтобъ лучше вошло въ землю и скорѣе оплодотворилось земляными соками. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, Жыцень расхаживаетъ по нивамъ хозяевъ старательныхъ и трудолюбивыхъ, которые съ

охотою, по доброй своей волѣ, а не по наказу (по приказанію) занимаются хлѣбопашествомъ. Жыцень преимущественно извѣстенъ въ Могилевской и Минской Губерніяхъ. Поговорки: *Жыцень хлѣба давъ* — Жыцень послалъ урожай на хлѣбъ; *Барждэй на Жытня, калі въ засікъ хлѣба не прытне* — сейчас на Жыцень сваливаютъ бѣду, если не окажется хлѣба въ амбарѣ; *Жыцень зъ кабзой, голодъ на дворъ* — коль скоро Жыцень покажется съ сумой нищаго, ожидать голода.

XXV. Зюзя.

Зюзя, богъ зимы. *Зюзя* происходитъ отъ глагола *зозныць*, мерзнуть, колѣть отъ мороза; отсюда, *Зюзя* значитъ собственно — *мерзнуцій* и *морозяцій*. Вотъ какимъ представляютъ Зюзю Бѣлорусцы: онъ, говорятъ, старичокъ съ *стыдлы* (*) волосами на головѣ и такую же предлинною бородою; низенькаго роста, толстый; весь въ бѣлой теплой одеждѣ; ноги у него босы; голова ничѣмъ не покрыта; въ рукѣ носитъ желѣзную булаву. Зюзя, говорятъ Бѣлорусцы, большую часть зимы проводитъ въ лѣсѣ въ разныхъ мѣстахъ. Иногда онъ заходитъ въ деревню по разнымъ причинамъ: или для того, чтобы предупредить поселянъ о жестокой, суровой зимѣ на будущій годъ, или для того, чтобъ оказать какую-нибудь помощь кому-либо; наприм. освободить отъ холода несчастное бѣдное семейство, или (какъ выражаются Бѣлорусцы) просто для того, чтобъ *кутъ*

(*) Бѣлорусцы говорятъ — просто съ *блыды* волосами, какъ снѣгъ.

пайсыци (кутья покушать). Вотъ что значитъ это выраженіе. Въ Бѣлоруссіи есть повѣрье, будто самый сильный, жестокий морозъ бываетъ наканунѣ Нового Года; но отъ Зюзи зависитъ причинить или не причинить вредъ этимъ морозомъ. Чтوبъ какъ-нибудь умиловитъ Зюзю, Бѣлорусцы, наканунѣ Нового Года, приготавливая, по принятому обыкновенію (*), *кутью*, откладываютъ часть ея въ особую тарелку (или, лучше, миску), и оставляютъ ее на ночь на особомъ столѣ: кутья остается цѣла, но общее повѣрье говоритъ, что ее съѣдастъ Зюзя. Довольно любопытно Бѣлорусцы объясняютъ, для чего Зюзя носитъ булаву въ рукѣ. Говорятъ, будто Зюзя, разсердившись на людей, обыкновенно ударяетъ своею булавою въ какой-нибудь пенъ, и этимъ сильнымъ ударомъ производитъ такой переворотъ, такую ломку по всей землѣ, что земля, а иногда и дома трескаются. Случалось, говорятъ, иногда быть въ лѣсу въ это время и спрашивать: *что эта тамъ стукняе* (стучить)? На этотъ вопросъ былъ отвѣтъ: *самъ Зюзя стукняе, людей уцувает* (самъ Зюзя стучитъ, людей страшаетъ, собственно — образумляетъ).

О Зюзѣ Бѣлорусцы отзываются съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ. Поговорки: *Зюзя у хіць, а тутъ уже ни снопа на палатцъ* — Зюзя (т. е. зима) у дверей (въ комнатѣ), а тутъ ужъ ни снопа (ржи) на палаткахъ (въ гумнѣ); *Зюзя стукняе* — Зюзя (морозъ) трещитъ, стучитъ; *Зюзя на дварь, куць на сталь* — Зюзя на дворъ — кутья на столъ.

(*) *Кутья* въ это время ставится на столъ, устланный сѣномъ.

XXVI. *Кадукъ.*

Кадукъ, самый старшій (*) злой духъ. По понятію Бѣлорусцевъ, Кадукъ живетъ въ самомъ темномъ лѣсу, и притомъ въ вязкомъ болотѣ: тутъ, говорятъ они, на службѣ у него находятся всѣ злые духи меньшіе, подчиненные ему; тутъ Кадукъ чинитъ расправу надъ ними; отсюда онъ посылаетъ ихъ къ людямъ для совершенія разныхъ козней. Бѣда, говорятъ, если человѣку понесчастливится попасть въ это болото: гибель неизбежна; какая-то дурь нападаетъ на человѣка, такъ-что самъ не знаешь, куда повернуться, куда ступить ногою; по видимому, ходишь по всѣмъ направленіямъ болота, а между тѣмъ, глядь, стоишь на одномъ и томъ же мѣстѣ. Кадукъ рѣдко самъ выходитъ изъ своего болота; онъ вѣчно занятъ безчисленными распоряженіями и расправами и выдумываніемъ козней противъ людей; онъ тогда только выходитъ изъ своего болота и отправляется къ людямъ, когда какой-нибудь подчиненный духъ не сумѣетъ исполнить его порученія. Бѣлорусцы вѣрятъ, будто Кадукъ питается живыми маленькими дѣтьми, которыхъ носятъ ему его подчиненные духи. Поговорки: *бадай цябѣ Кадукъ узивъ* — чтобъ тебя нечистая сила взяла; *бы Кадукъ цябѣ замарававъ* — пусть тебя опутаетъ (своими сѣтями) Кадукъ. Кадукъ извѣстенъ почти во всей Бѣлоруссiи.

(*) По выраженію Бѣлорусцевъ.

XXVII. *Кумельганъ.*

Кумельганъ, злой духъ въ видѣ человѣка и лошади. Бѣлорусцы представляютъ его съ человѣческимъ туловищемъ, покрытымъ лошадиною шерстью, и такими же руками и ногами; съ лошадиною головою и такими же копытами на рукахъ и ногахъ, и вѣрятъ, что онъ ходитъ иногда, какъ лошадь, на четверенькахъ, а иногда, подражая человѣку, на заднихъ ногахъ. Кумельганъ, говорятъ они, какъ злой духъ, находится во враждебныхъ отношеніяхъ съ *Вазилою* (*). Назначеніе его — всегда пользоваться минутною неосмотрительностью *Вазилы*, и тутъ же, по возможности, вредить намѣреніямъ своего врага: мучить, портить, ранить лошадей, подмѣшивать въ ихъ кормъ какое-нибудь ядовитое растеніе и т. п. Еще хорошо, говорятъ, что Кумельганъ слабъ; нѣто, онъ могъ бы передуть всѣхъ лошадей; къ счастью, его силы не устоятъ противъ нѣсколькихъ лошадей, и потому двѣ или три лошади могутъ смѣло вступать съ нимъ въ бой. За то Кумельганъ много выигрываетъ ловкою своею увертливостью: забравшись въ хлѣвъ (разумѣется, во время отлучки *Вазилы*) ночью, онъ обыкновенно вспрыгиваетъ поочередно на каждую лошадь, отдѣленную одна отъ другой перегородками, и всячески ее давить, жметъ и корчитъ въ-три-погибели до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, лошадь выбьется изъ силъ и упадетъ за-мертво; потомъ забирается въ другое, третье стойло и т. д., и, такимъ образомъ, въ

(*) См. *Вазила*.

продолженіе ночи, усиливаетъ замучить всѣхъ лошадей, не смотря на свое безеніе. Хозяева Бѣлорусскіе стараются подтвердить это своими наблюденіями: говорятъ, будто они сами слышали, какъ лошади иногда какъ-то дико ржутъ въ хлѣвѣ и чуть не опрокидываютъ своихъ перегородокъ; но стѣять только войти въ хлѣвъ нѣсколькимъ человѣкамъ, и Кумельгана какъ не бывало. Не менѣе вреднымъ находятъ Бѣлорусцы Кумельгана и во время почлеговъ лошадиныхъ на поляхъ. Кумельганъ, говорятъ, воспользовавшись отсутствіемъ Вазилы и безпечною пастуховъ, отводитъ изъ табуна по одной лошади въ глубь лѣса и тамъ мучитъ ихъ такъ же, какъ и въ хлѣвѣ. Кумельганъ такъ же отводитъ (*) жеребятъ отъ кобылъ; но не мучитъ ихъ, а оставляетъ на добычу хищнымъ звѣрямъ. Причина, почему Кумельгану часто удается пробираться въ табунъ лошадиный, не будучи ни кѣмъ замѣчену, та, по словамъ Бѣлорусцевъ, что онъ совершенно похожъ на лошадь; къ тому же онъ можетъ принимать любой цвѣтъ шерсти и такимъ образомъ обманываетъ хозяевъ: принявши масть лошади какого-нибудь хозяина, онъ спокойно входитъ въ хлѣвъ, не встрѣчая со стороны хозяина никакого препятствія; иногда даже хозяинъ самъ отираваетъ ему хлѣвъ, принимая его за свою лошадь. Слово *Кумельганъ* происходитъ отъ *кумель* или *камель* — нижняя часть туловища животныхъ, заднія ноги, лапы, или отъ *кумельганиць*, становить-

(*) Т. е. какъ-то невидимо увлекаетъ за собою жеребенка, такъ-что мать и не замѣтитъ.

ся на заднія лапы. Отсюда *Кумельганъ* значитъ — животное, которое ходитъ на заднихъ лапахъ. Поговорки: *Кумельганъ уидзвися* — Кумельганъ началъ пробираться въ хлѣвъ, то есть, пошелъ падежъ на лошадей; *сабѣка служницъ, якъ Кумельганъ* — собака стоитъ на заднихъ лапахъ, какъ Кумельганъ; *а штобъ на табѣ Кумельганъ изъдзвизъ, а не добрые людзи* — пусть на тебѣ ѣздитъ Кумельганъ, а не добрые люди (ругательства погонщиковъ Бѣлорусскихъ, когда лошадь дурно везетъ).

XXVIII. Лазавікъ.

Лазавікъ, какой-то лѣсной богъ, живущій въ лозѣ. Бѣлорусцы представляютъ его карликомъ-старичкомъ, не больше поготка, одноглазымъ, съ аршинною бородою, всегда носящимъ при себѣ длиннѣйшій (въ семь сажень) кнутъ. Онъ обыкновенно, говорятъ, живетъ въ лозѣ, въ маленькомъ домикѣ, окруженномъ болотомъ; домикъ этотъ безъ дверей и оконъ, только съ малымъ отверстіемъ на крышѣ, куда обыкновенно пробирается самъ *гаспадаръ* (хозяинъ), т. е. *Лазавікъ*; домикъ этотъ неприступенъ для людей: какъ только кто-нибудь вздумаетъ подойти къ нему, домика какъ не бывало на томъ мѣстѣ, уйдетъ дальше; человѣкъ за нимъ, — домикъ дальше отъ него. *Лазавікъ*, говорятъ, часто расхаживаетъ по разнымъ болотамъ. Тутъ его сейчасъ узнаешь: глазокъ его сверкаетъ, какъ огонекъ (понятіе Бѣлорусцевъ о болотныхъ огонькахъ). Чтò дѣлаетъ *Лазавікъ* своимъ кнутомъ, и для чего носить его съ собою, Бѣлорусцы сами не знаютъ. *Лазавікъ*

известенъ въ Бѣлоруссiи подъ разными другими именами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ называется *Болотникомъ*—живущимъ въ болотѣ, а въ другихъ—*Водовикомъ* (1)—живущимъ въ водѣ. Поговорки:

Самъ зъ нѣкаць	Самъ съ поготовкъ,
Барадѣ зъ лѣкаць	Борода съ локотокъ,
А пѣга зъ пугавѣмъ	А кнутъ съ рукояткой
Бадаі на семь сажѣнь.	Почти на семь сажень.

XXIX. Любмѣль.

Любмѣль, кажется, богъ брака, какъ можно предполагать на основаніи слѣдующаго обряда, совершаемаго и доселѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (2) Бѣлоруссiи, въ честь *Любмѣла*. Въ день брака, наряжаютъ красиваго мальчика, лѣтъ 10 или 12-ти, въ бѣлую рубашку съ красивымъ кушакомъ, въ красные сапоги или башмаки; на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ красныхъ цвѣтовъ или красный завой на подобіе вѣнка: таковъ, по понятію Бѣлорусцевъ, *Любмѣль*. Когда свадебный поѣздъ возвратится изъ церкви, и невѣста съ женихомъ ступятъ на порогъ дома, *Любмѣль*, въ сопровожденіи родителей молодыхъ (3), выходитъ къ нимъ на встрѣчу и подаетъ въ *красномъ* платкѣ деньги (мѣдныя); молодые, взявъ деньги съ платкомъ, и поклонившись *Любмѣлу* въ ноги, ведутъ его подъ руки въ комнату и сажаютъ

(1) См. Ж. М. Н. Пр. Ч. XL. Отд. II, статью о *Волосѣ*.

(2) Преимущественно въ Мнвской и Витебской Губерніяхъ.

(3) *Молодые*, т. е. женихъ и невѣста.

съ собою на почетное мѣсто. Тутъ слѣдуютъ различныя привѣтствія и поздравленія молодыхъ, за тѣмъ—угощеніе. Во время угощеній, молодые не сами берутъ подносимыя имъ кушанья, сласти, напитки и пр., а ихъ потчуетъ изъ своихъ рукъ *Любмѣль*. После угощеній, какъ водится, начинаются пляски; но, между многими свадебными плясками, особенно замѣчательна одна, которая имѣетъ отношеніе къ *Любмѣлу*, и которою, обыкновенно, начинаются и оканчиваются танцы. Вотъ она. Посреди комнаты, на скамейкѣ садятся молодые и между ими *Любмѣль*; вокругъ ихъ хороводъ (*) составляетъ четыре кружка, изъ которыхъ въ каждомъ по четыре человѣка; въ такомъ видѣ хороводъ пляшетъ вокругъ молодыхъ и *Любмѣла*, и поетъ слѣдующую пѣсню:

(Къ невѣстѣ) Прыгожая ты красачка
Усѣлася зъ Любмѣламъ;
Бадаіже јонъ табѣ, матачка,
Давъ долю зъ твоимъ млымы.

Любмѣль, Любмѣль;
Да Любмѣль жежъ, Любмѣль!

(Къ жениху) Прычапурывся жежъ малады
Зъ свајою јонъ маладою
Аль Любмѣла на всѣ гады
Прасиць доли за-парою.

(*) Въ этомъ хороводѣ участвуютъ не однѣ дѣвѣнцы, но и молодые парни.

Любмѣль, Любмѣль!

Да Любмѣль жежъ, Любмѣль!

(Къ Любмѣлю) Да дайжежъ имъ счастье—долю,
Любмѣль ты нашъ, а больше ничій!
Кали ты ихъ насадзівъ зъ сабою,
Не киньже ихъ, не набратуючи.

Любмѣль, Любмѣль!

Да Любмѣль жежъ, Любмѣль!

Переводъ. Прекрасная, какъ цвѣтокъ,
Ты съѣла возлѣ Любмѣла:
Пусть же онъ тебѣ, малюточка,
Дастъ счастье съ твоимъ милымъ.

Принарядился женихъ
Вмѣстѣ съ своею невѣстой;
И вотъ просить у Любмѣла
Счастья на будущее время — въ добрую
пору.

Дай же имъ счастье Любмѣль,
Ты нашъ, а больше ни чей;
Когда ты удостоивъ ихъ посадить возлѣ себя,
То и не брось ихъ, не исполнивъ ихъ просьбы.

Но окончаніи этой пляски съ пѣсней, молодые и Любмѣль садятся, по прежнему, на своихъ почетныхъ мѣстахъ. Наконецъ, когда молодыхъ проводятъ къ брачному ложу, Любмѣль снимаетъ съ жениха сапоги, а съ невѣсты башмаки, и кладетъ въ нихъ деньги. Эти деньги молодые хранятъ, какъ священ-

ный залогъ взаимной любви и счастья: если, говорятъ Бѣлорусцы, женихъ или невѣста потеряетъ *Любмѣлавы грошы* (деньги), то имъ измѣнить счастье. Бѣлорусцы равно дорожатъ и тѣми деньгами, съ которыми Любмѣль встрѣчаетъ молодыхъ при входѣ ихъ изъ церкви въ родительской домъ. Поговорки: *Любмѣлавы грошы згубивъ* — Любмѣловы деньги потерялъ, т. е. счастье измѣнилось (известному семейству); *Любмѣль не давъ счастья—доли* — Любмѣль не далъ счастья; *весь на Любмѣла*, весь въ Любмѣла, т. е. хорошъ, красивъ, какъ Любмѣль.

XXX. Ляля.

Ляля, богиня весны. Бѣлорусцы представляютъ ее въ видѣ молоденькой, красивой, стройной, высокой дѣвушки. Празднованіе въ честь ея бываетъ наканунѣ Юрьева дня. Обыкновенно, часа въ три по полудни, на чистомъ лугу (а иногда подлѣ дома въ огородѣ) собирается хороводъ молодыхъ дѣвушекъ. Выбравши изъ среды себя подругу, которая вполне выражала бы собою понятіе ихъ о Лялѣ, хороводъ Бѣлорусянокъ одѣваетъ ее въ длинный бѣлый саванъ, перевязываетъ ей шею, руки и станъ разною зеленью, а на голову кладетъ вѣнокъ изъ разныхъ весеннихъ цвѣтовъ. Въ такомъ нарядѣ сажаютъ дѣвушку—Лялю на дерновую скамью, на которой, съ одной стороны, поставленъ кувшинъ съ молокомъ, сыръ, масло, яйца, сметана и творогъ, а съ другой — хлѣбъ; у ногъ Ляли кладутъ нѣсколько вѣнковъ изъ зелени, соотвѣтственно числу дѣвицъ, составляющихъ хороводъ. Потомъ, взявшись

за руки, хороводъ дѣвушекъ пляшетъ вокругъ сидящей Ляли, и поетъ въ похвалу ей пѣсню, которую заключаетъ слѣдующею просьбою :

Дай намъ жѣтцу	Дай намъ жита
Да пшавіцу.	И пшеницы.
Въ агародзѣ,	Въ огородѣ.
Сѣнажніцѣ	Сѣнокосѣ
	(Слѣлай)
Повны гряды,	Полными гряды,
Ровны зряды.	Гладкими покосы.

Напѣвъ этой пѣсни очень протяженъ, и потому ее поютъ очень долго, послѣ каждаго двухъ стиховъ, восклицая : Ляля, Ляля, наша Ляля ! Окончивши пляску и пѣсню, хороводъ садится у ногъ Ляли и снова поетъ :

Наша Ляля, Ляля
Насъ накормиць зусимъ,
Штобъ зъ весны на лѣта
Усё, што тутъ гэта,
Гадавала завесимъ.

Ляля, Ляля,
Ой да Ляля, Ляля !

Переводъ. Наша Ляля, Ляля
Насъ накормитъ вдоволь,
Чтобъ съ весны на лѣто
Все, что здѣсь — вотъ это,
Откормило (насъ) досыта.

Ляли, Ляли,
Ай да Ляля, Ляля !

Тутъ Ляля раздастъ всѣмъ дѣвицамъ поочередно молоко, масло, сыръ и т. д. до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, ничего не останется. Послѣ этого, дѣвушки встаютъ и начинаютъ опять плясать вокругъ Ляли, припѣвая прежнюю пѣсню. Во время этой пляски и пѣсни, Ляля беретъ вѣнки и бросаетъ по одному на пляшущихъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, все дѣвицы не схватятъ по вѣнку. Вѣнки эти дѣвушки хранятъ до слѣдующей весны, а нѣкоторыя, въ случаѣ замужства, и долѣе, иногда во всю жизнь, какъ нѣчто заветное, святое. По окончаніи всехъ этихъ церемоній, нѣсколько дѣвицъ, въ сопровожденіи прочихъ, берутъ Лялю подъ руки, сводятъ ее съ дерновой скамьи, и, напѣвая прежнія пѣсни, проводятъ ее домой. Саванъ и зелень, въ которые одѣта была Ляля, прячутъ до другой весны.

Ляля — на Бѣлорусскомъ нарѣчій значитъ — милостивая дѣвушка: отъ того и имя *Ляля*, успокоенное Бѣлорусцами богини весны, выражаетъ изобиліе цвѣтущаго здоровья, свѣжести, красоты. *Ляля* известна во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссін, но подъ разными названіями. *Поговорки* : *Прыбѣжая, якъ Ляля* — красива, какъ Ляля; *на Ляльничкѣ нагуляемъ* — на праздникъ въ честь Ляли повеселимся вдоволь.

XXXI. *Мáрня.*

Мáрня, какой-то духъ или привидѣніе (*). По понятію Бѣлорусцевъ, *Марня* преслѣдуетъ людей,

(*) И по производу (отъ *маравіць*) *Марня* знач. призракъ, привидѣніе, ночное явленіе.

сдѣлавшихъ какое-нибудь злодѣяніе : для этого она обыкновенно принимаетъ видъ того человѣка, котораго преслѣдуетъ, и, выставляя предъ нимъ его преступленіе, не даетъ ему нигдѣ и никогда покоя, такъ что, говорятъ, преслѣдуемый человѣкъ принужденъ бываетъ объявить о своемъ преступленіи предъ начальствомъ. Бѣлорусцы говорятъ также, будто Мѣрія преслѣдуетъ людей преступныхъ и послѣ ихъ смерти : принявъ на себя образъ умершаго преступника, она является во снѣ роднымъ его и не даетъ имъ покоя до тѣхъ поръ, пока они не откроютъ злодѣянія покойника предъ народомъ. Мѣрія известна во всей Бѣлоруссін, и, вѣроятно, преданіе объ ней сохранилось между Бѣлорусцами по наслѣдству отъ древнихъ Славянъ. Такъ думать можно на томъ основаніи, что *Мѣрія* или *Мѣра* известна и между другими народами Славянскаго племени, и — что главное — въ томъ же значеніи, въ какомъ употребляютъ Бѣлорусцы. У Поляковъ болѣе всѣхъ известна *Мара*, *Мѣрія*, и значитъ — блуждающій духъ, призракъ, привидѣніе ; говорятъ: *Sen — Mara*, *Ran Bóg — wiaga*, что значитъ: Господь — вѣра, сонъ — призракъ (поговорки). У *Кельтовъ* находимъ слово *Mar*, что значитъ — призракъ, иногда — смерть. Также у Карпатскихъ Славянъ въ употребленіи слѣдующее закличаніе: *Mára by tia wziata* — привидѣніе тебя возьми. Неизвѣстно, какимъ образомъ въ Оренбургскую Губернію попало созвучное слово *Мария*—*Марѣво*, *Марилво* ; тамъ до сихъ поръ стешные призраки страсній, водъ и пр. называютъ *Марѣвома*, *Марилвома*. Поговорки: *Ирападай ты, бы Мѣрія*—исчезни ты, какъ *Марія* (духъ); *Штобъ ця-*

бе змарявало—чтобъ ты исчезъ (чтобъ тебя не стало); *Мѣрія ходзиць, лихого члавѣка гоциць*—*Марія* рассказываетъ предъ грѣшнымъ (дурнымъ) человекомъ и выставляетъ предъ нимъ его недобрыя дѣла.

XXXII. *Мѣша*.

Мѣша, какой-то нечистый духъ. По повѣрью Бѣлорусцевъ, нечистые духи не иначе являются людямъ, какъ въ видѣ животныхъ ; если же въ образѣ человѣка, что случается весьма рѣдко, то самаго гадкаго, отвратительнаго по виду. *Мѣша* — тоже нечистый духъ въ видѣ какого-то косматаго животнаго, небольшого роста, чернаго цвѣта; онъ живетъ въ развалинахъ какого-нибудь зданія, вреда никому не дѣлаетъ, а только иногда пугаетъ проходящихъ. Это, говорятъ, злой духъ, который лишенъ *Кадукомъ* (*) силы вредить людямъ и осужденъ на мученія. Иногда *Мѣша* пробирается и въ жилой домъ ; но здѣсь приютомъ его бываетъ *подпѣчекъ* (яма подъ печкою для сора), гдѣ онъ и питается чѣмъ ни попало. Ночью онъ выползаетъ изъ-подъ печки и нерѣдко, сдружившись съ домашнею собакой, спитъ съ нею на полу посреди комнаты ; днемъ онъ не показывается. Поселеніе *Меши* въ какомъ-нибудь жиломъ домѣ считается несчастьемъ. *Мѣша*—почти общезвѣстное имя во всей Бѣлоруссін : этимъ именемъ пльски страшатъ дѣтей. Поговорки : *Тулється за угломъ, якъ*

(*) См. слово *Кадукъ*

Меша—выказывается изъ-за угла, какъ Меша; *Му-сиць*. *Меша прыслобрывся*—вѣрно, Меша придружился, т. е. поселился (въ какомъ-нибудь жиломъ домѣ).

XXXIII. Паллидра.

Паллидра, богиня смерти, то же что у Литовцевъ (древнихъ Ятвяговъ, жителей нынѣшней Гродненской Губерніи) была *Мажанна*. Паллидра, говорятъ Бѣлорусцы, находится въ враждебныхъ отношеніяхъ съ людьми, и потому рада бываетъ, если люди чаще умираютъ: она тотчасъ, въ видѣ безобразной женщины, является въ дома умирающихъ людей и тамъ забираетъ души. Души эти она передаетъ *Бабѣ-лягѣ-касыцной-пагѣ*, съ которою находится въ большой дружбѣ, такъ что часто вмѣстѣ съ нею разлѣзаетъ въ одной желѣзной шпоти. По повѣрью Бѣлорусцевъ, Баба-ляга-костяная-пога и подчиненныя ей вѣдьмы питаются душами людей, отъ чего онѣ и дѣлаются воздушными, легкими, какъ души. Поговорки: *Бабѣй цабѣ Паллидра змарилва* — чтобъ тебя сгубила (свела со свѣта) Паллидра, чтобъ тебя не стало на свѣтѣ; *Паллидра учемьрылася*—морь (появившаяся смерть) усилился, вкоренился; *кабѣ ты запаллидрывся* — чтобъ тебя скорчило (чтобъ ты умеръ жалкою, мучительною смертью). Когда Бѣлорусцы говорятъ о смерти какого-нибудь добраго человѣка, то обыкновенно отилевываются и приговариваютъ: *А-кышь Паллидра, не табьбѣ, а кышь!*.. т. е. прочь Паллидра, прочь, — не досталась бы тебѣ (эта душа). Замѣчательно, что точно такія

же заклатія (1) употребляемы были Вайделотами Ятвяжскими (Литовскими) противъ *Мажанны*, когда они приносили въ жертву людей богинѣ жизни *Зивѣ*; они вѣрили, что, во время жертвоприношеній, *Мажанна*, въ видѣ хищной птицы, кружилась надъ жертвенникомъ.

XXXIV. Талака.

Талака, покровительница жатвы и плодородія. Она въ большомъ уваженіи у всѣхъ Бѣлорусцевъ, и, кажется, по всей Бѣлоруссіи известна подъ однимъ этимъ именемъ. Праздникъ въ честь ея бываетъ не вездѣ въ одно время: въ иныхъ мѣстахъ раньше, въ другихъ позже, смотря по тому, гдѣ когда бываетъ уборка всѣхъ посѣвовъ, а иногда только хлѣба. Празднованіе въ честь Талаки бываетъ очень торжественное, радостное, выражающее благодарность за вспомошествованіе въ счастливой, окончательной уборкѣ жатвъ. Вотъ оно. Обыкновенно, въ тотъ день (2), когда назначается окончательная уборка посѣвовъ у какого-нибудь зажиточнаго хозяина, собирается къ нему (по его приглашенію) множество жницъ (3) бесплатно пожать,

(1) Вотъ эти заклатія: «прочь отсюда кровененасытимая *Мажанна!* а-кышь! а-кышь! Не задувай жертвеннаго огня крыльями хищной птицы (летучей мыши); не радуйся, потому-что жертва, которую ты видишь, посвящается не тебѣ, но *Зивѣ*. См. Минишевскаго — *Jadźwingowie*. Ч. 1-я, стр. 209; также — Нарбута, *Dzieje Litwy*.

(2) День этотъ по-Бѣлоруски называется — *дожынки*, а иногда именемъ самой богини—*Талака*.

(3) Въ Бѣлоруссіи жнуть всегда женщины, а не мужчины.

единственно для *Талаки* (т. е. ради праздника в честь Талаки), какъ они выражаются. Подъ-сумерки, когда дожинаютъ уже послѣдній *загѣвъ* (маленькій участокъ), каждая изъ жницъ откладываетъ по колосу для одного общаго снопа, назначаемого въ честь Талаки. Собравши такимъ образомъ значительное число колосевъ, *Талачѣйки* (*) связываютъ всѣ вмѣстѣ *общій дожиночный снопъ*. Между тѣмъ, на нивѣ оставляютъ небольшой клочекъ посѣва: изъ этого клочка *Талачѣйки* (также всѣ вмѣстѣ) дѣлаютъ вѣнокъ, влетая въ него разные цвѣты и пахучія травы. Связавши *общій снопъ* и сдѣлавши *Талакѣвы вѣнокъ*, хороводъ Талачеекъ бросаетъ жребіи, кому придется быть Талакою. Избравши Талаку, хороводъ украшаетъ ее разными цвѣтами, даетъ въ руки (*дожиночный*) снопъ, а на голову ея надѣваетъ (*Талакѣвы*) вѣнокъ съ длиннымъ бѣлымъ покрываломъ въ родѣ шали. Послѣ этого, хороводъ окружаетъ Талаку, и, переплетшись вокругъ нея вѣнкомъ, пляшетъ, припѣвая:

Добры вѣчаръ, добры вѣчаръ!
Добры вѣчаръ, Талака!
Да ухаравѣзьжежка
Ты насъ гѣценечки вѣчеръ.

Да вазьмѣжъ адъ насъ, вазьмѣ-но
Гѣты збѣжны ты снапѣкъ;

(*) Дѣвушки, принимающія участіе въ церемоніяхъ праздника Талаки; онѣ и отличаются отъ прочихъ жницъ, которыя собираются на-Талаку собственно для того, чтобы поить да поѣсть на счетъ богатаго хозяина, справляющаго *дожинки*.

Да надѣнь же, надѣнь-но
Эъ красками прыгажъ вѣнокъ!

Эъ гѣтымъ добрымъ пойдземъ же мы
Къ пану да къ гаспадару
Принесемъ же мы яму
Счасъщечко тваѣ въ харомы.

Юнъ той панъ—гаспадарыкъ
Справиць намъ дажѣначки,
Выставиць пажытачки
Да эъ засѣкавъ напихалыхъ.

Переводъ. Добрый вечеръ, добрый вечеръ!
Добрый вечеръ, Талака!
Угости же ты весь хороводъ
Въ этотъ (этачкой) вечеръ.

Да возьми же, возьми-ка отъ насъ
Этотъ снопъ изъ ржи (вообще—изъ посѣва),
Да надѣнь же, надѣнь-ка
Красивый вѣнокъ съ цвѣтами!

Съ этимъ добромъ мы пойдемъ
Къ господину хозяину;
Принесемъ мы ему
Твое счастье въ хоромы.

И этотъ господинъ хозяинъ
Справитъ намъ дожинки,
Угоститъ своимъ добромъ,
Котораго у него полны амбары.

Послѣ этой пѣсни, хороводъ Талачеекъ, поставивъ впереди Талаку и расположившись сряду за

нею попарно, отправляется въ такомъ церемониальномъ порядкѣ въ домъ хозяина. Въ слѣдъ за хороводомъ Талачеекъ идутъ жницы, неучаствующія въ церемоніяхъ праздника. Въ продолженіе всей дороги до самаго дома хозяина, Талачейки поютъ слѣдующія пѣсни :

Выйди, выйди, гаспадáрьку,
Спатькаць зъ усѣкимъ збóжжемъ
Талаку; раскрѣй же хáгачку
Да передъ такимъ же гóсьцемъ.

Пакланіся жъ пáньи Талацѣ,
Пакланіся ей пáйнѣйшей;
Пасадзіжъ ее да на куцѣ,
Што есть тóлько да пáйвѣйшей.

Выйди, выйди, гаспадáшечка
Спатькаць зъ усѣми гóсьцями
Талаку жъ-но у варóчечка;
Стань ей бóрзана, на-укóсьши.

Пакланіся жъ пáньи Талацѣ,
Пакланіся жъ ты ей кáркамъ
Вѣставъ, выставъ ей да на сталѣ
Саламáшки п зъ прысмáкамъ.

Переводъ. Выйди, выйди, хозяйнѣ,
Встрѣчать со всякимъ добромъ
Талаку; отвори же двери (дома)
Такому гостю.

Поклонись госпожѣ Талакѣ,
Поклонись ей пониже;

Посади ее на почетномъ мѣстѣ,
На самомъ лучшемъ въ домѣ.

Выйди, выйди, хозяйошка,
Встрѣчать Талаку
Со всѣми (прочими) гостями у воротъ;
Остановись предъ нею съ покорностью — со-
тнувшись.

Поклонись же госпожѣ Талакѣ,
Поклонись же ты ей, не жалѣя спины;
Поставь-ка, поставь на столъ
Саламáхи (1) съ лакомствомъ.

Между тѣмъ хозяинъ, у котораго уже пригото-
влена пирушка для жницъ, заслышавъ пѣсни хо-
ровода, съ семействомъ и гостями своими, собрав-
шимися у него по случаю дожинокъ, выходитъ
изъ хаты и останавливается у воротъ съ тѣмъ,
чтобъ встрѣтить Талаку съ хлѣбомъ-солью члмъ Богъ
послалъ. Вотъ подходитъ къ воротамъ хороводъ съ
Талакою, и доморощенная Бѣлорусская музыка встрѣ-
чаетъ гостей оглушительнымъ звономъ. Хозяинъ под-
носитъ хлѣбъ-соль Талакѣ и кланяется ей въ-поясъ.
Талака принимаетъ хлѣбъ-соль, отдаетъ въ-замѣнъ
хозяину дожиночный снопъ (2), и, въ сопровожде-
ніи гостей, идетъ съ хороводомъ въ домъ хозяи-

(1) Саламáха—очень сладкій и пріятный напитокъ, составляе-
мый для этого дня изъ водки, меду, сливъ и вишенъ.

(2) Этотъ снопъ хозяинъ ставитъ въ углу комнаты подъ самую
иконою, гдѣ онъ стоитъ три дня; потомъ его вымочачи-
ваютъ и изъ зеренъ дѣлаютъ кашу, которою разговляются,
какъ повину.

на. Хозяинъ и хозяйка берутъ Талаку подъ руки и сажаютъ ее на *кату* (1). Возлѣ Талаки садится весь хороводъ Талачеекъ; остальные гости помѣщаются кто въ сѣняхъ, кто на дворѣ, гдѣ приготовлены столы и скамьи. Когда всѣ размѣстятся, хозяйка подноситъ Талакѣ, потомъ Талачейкамъ и наконецъ всѣмъ гостямъ по *стѹпачкѣ* (2) саламахи, пробуя изъ каждой *стѹпачки* сама, прежде нежели отдать гостѣмъ (3). Отвѣдавъ саламахи и перекусивъ кое-чего, хороводъ Талачеекъ привѣтствуетъ хозяевъ слѣдующими пѣснями:

Весѣлы вѣчаръ да наставъ
Для насъ тутъ у васѣцнхъ;
Бадай—но то тольки не прыставъ
Къ намъ чмуръ адъ стѹнакъ гѣтыхъ.

А всѣжъ таки мы дзѣкуемъ
За ваше частаване;
И отъ затѣе же парадумъ
Мы ваше працаване.

Переводъ. Веселый вечеръ насталъ
Для насъ тутъ у васъ;
Только какъ бы не пристало
Къ намъ опьяненіе отъ этого нанитка.

Но все-же мы благодаримъ
Васъ за ваше угощенье;
И вотъ за-то потѣшимъ
Васъ за ваши труды.

(1) *Кату* — уголь, почетное мѣсто въ домѣ.

(2) *Стѹпачка* — деревянный кубочекъ.

(3) Мужичивъ здѣсь не бываетъ, кромѣ музыкантовъ.

Послѣ этого гости раздѣляется на двѣ партіи: пожилыя женщины и старухи остаются въ комнатѣ, и, засѣвши вокругъ стола, начинаютъ попойку: на этотъ разъ хозяинъ не жалѣетъ ни водки, ни закусокъ всякаго рода. Между тѣмъ хороводъ Талачеекъ вмѣстѣ съ Талакою выходитъ на дворъ, и тутъ на открытомъ воздухѣ, при звукахъ музыки, пляшетъ до-упаду. Въ пляскахъ, разумѣется, всегда въ первой парѣ выступаетъ Талака, съ которою очень вѣжливо обращаются Талачейки; во время танцевъ также поютъ, но эти пѣсни не имѣютъ никакого отношенія къ Талакѣ: тутъ поютъ всякія народныя пѣсни, какія кто знаетъ. Очень интересны пляски въ честь Талаки (1), которыхъ, къ сожалѣнію, не лзя никакъ передать на словахъ по причинѣ многосложности и разнообразія безчисленныхъ фигуръ. Наплясавшись вдоволь до поздняго вечера, и порядочно проголодавшись, дѣвицы собираются въ одну группу, и, въ сопровожденіи Талаки, подходятъ къ окошку дома и поютъ (какъ-будто обращаясь къ Талакѣ):

Гаспадѣня *Цяцера*! (2).

А чы гатова вѣчѣра?

Калі уже гатова,

Заві, — парѣ да стѣла.

(1) Одна изъ этихъ плясокъ называется, въ честь Талаки, *Талакинъ* (т. е. танецъ).

(2) *Цяцѣра* не имѣетъ никакого значенія на Бѣлорусскомъ нарѣчій, и корень этого слова трудно отыскать; быть можетъ, слово *Цяцѣра* есть исковерканное собственное имя — *Церера*, богиня жатвы?...

Столъ накрѣи абрѹсомъ,
Повны мѣсы зѣ скѹсамъ
Ставь : да наставляи намъ
Марцыаннны зѣ масамъ.

Переводъ. Госпожа Церера!
Готовъ ли ужинъ?
Если ужъ готовъ
Зови — пора кушать.

Столъ накрой скатертью,
Поставь на немъ вкусныя блюда,
Да наставляи также еще
Разныхъ сластей и мяса.

У хозяйки, разумѣется, все уже приготовлено, и потому просьба хоровода тутъ же удовлетворяется. Столы на дворѣ наполняются лучшими кушаньями, пивомъ и легкимъ медомъ (сладкимъ); все это, разумѣется, для дѣвицъ. Между-тѣмъ, пожилыя женщины и старухи, напившись вдоволь въ комнатѣ, выходятъ также на дворъ и принимаютъ участіе въ потѣхъ молодежи: здѣсь не обходится безъ смѣшныхъ сценъ, потому что бабы бывають довольно хмѣльны. По окончаніи ужина, хороводъ съ Талакою подходитъ къ хозяевамъ благодарить за угощеніе поцѣлуями (1). За тѣмъ Талака снимаетъ съ головы вѣнокъ и отдаетъ его хозяину (2), по-

(1) Всѣ до одной Талачейки должны поцѣловать хозяйку.

(2) Вѣнокъ этотъ хранится цѣлымъ годъ, до слѣдующаго поста; тогда его вымолачивають и зернами этого вѣнка засеваютъ пашню.

крывало же остается у нея на память. Хороводъ кланяется въ это время и поетъ :

Штобъ табѣ да Талака
Урадѣла и на прышлась;
Штобъ нигдѣ ни изъ гумна
Збѣжя всякаго не вышлась.

Переводъ. Пусть Талака пошлетъ тебѣ
Урожай и на будущій годъ,
Такъ чтобъ вькогда не выходило
Изъ твоихъ амбаровъ (въ зернахъ) добро.

Хозяинъ благодарить скороговоркою :

Дзѣкуй за тоѣ
Просимъ на другое...

т. е. благодарю за теперешнее ваше посѣщеніе, прошу прійти и на другой годъ.

Послѣ этого гости расходятся; но хороводъ и уходя поетъ разныя пѣсни, которыя относятся къ Талакѣ. Вотъ—напримѣръ :

А Талака жъ ты, Талака!
Да шырая жъ ты Талака;
Да пагадуйжежъ отъ узнобъ
Гаспадару таму сванковъ.

Да пардзѣжъ—на ты амѹ
Жытца—жытца сто карабовъ;

Да штобъ зъ нѣо тамъ хорамѣвъ
Везли дабро зъ дабромъ къ шляху (1).

Переводъ. А Талака же ты, Талака!

Да щедрая ты Талака!
Пошли урожай опять
На поле хозяину этому.

Да уродн-ка ты ему
Ржи—ржи сто коробокъ (большихъ),
Такъ чтобъ възъ его дома
Вывозили дабро въ городъ (продавать).

Куплеты эти очень протяжно поются, въ продолженіе всей дороги, до самаго дома Талаки, куда хороводъ Талачеекъ обязанъ отвести се.

На другой день бываетъ маленькое угощеніе у Талаки, на которое она приглашаетъ всѣхъ вчерашнихъ своихъ подругъ — Талачеекъ: тутъ особеннаго ничего не бываетъ.

XXXV. *Цѣця*.

Цѣця, богиня лѣта. По понятію Бѣлорусцевъ, *Цѣця* различается отъ *Ляли* (2), богини весны, тѣмъ, что первая немного старѣе второй. *Цѣця*—это уже не молоденькая, стройная, тоненькая дѣвушка, а дородная, пожилая, полная женщина; она, говорятъ, является лѣ-

(1) *Шляхъ*—собственно значитъ—столбовая, большая дорога; въ переносномъ значеніи—городъ, даже городъ торговый, промышленный, купеческій.

(2) См. слово—*Ляля*.

томъ на полѣ вся убранная въ созрѣвшіе колосья и съ зрѣлыми плодами въ рукахъ. Потому ли, что *Цѣця* нѣкоторымъ образомъ замѣняетъ у Бѣлорусцевъ Талаку, или почему—нибудь другому, только она не пользуется въ Бѣлоруссіи большою извѣстностью. Въ честь ея никакихъ особенныхъ церемоній и пѣсень нѣтъ. Она извѣстна въ нѣкоторыхъ только губерніяхъ Бѣлорусскихъ. Поговорки: *Бадай Цѣця на барзілася* — какъ-будто *Цѣця* расхрабрилась; *маракачавъ на Цѣцо, а трафіивъ на псіцо* — говорятъ объ обманувшемся женихѣ: метилъ на красавицу, а попалъ на безобразницу. *Псіцо* значитъ — безобразная, тощая женщина или дѣвушка.

XXXVI. *Щедрець*.

Щедрець, богъ пиршествъ (*). Судя по церемоніямъ, сопровождающимъ въ Бѣлоруссіи день, назначаемый для празднованія *Щедрецу*, можно предполагать, что эти церемоніи суть остатки древнихъ шумныхъ Генварскихъ календъ; и самый праздникъ въ честь *Щедреца*, называемый *Щедрецомъ*, совершается въ Бѣлоруссіи въ то самое время, когда праздновались и Генварскія календы. *Щедрець* начинаютъ праздновать въ Бѣлоруссіи наканунѣ перваго Генваря и продолжаютъ до пятаго и дальше (хотя, впрочемъ, настоящій праздникъ *Щедреца* составляетъ главнымъ образомъ канунъ перваго Генваря—*Новаго-Года*); а это и составляетъ,

(*) *Щедрець* собственно значитъ — ничего не жалющій для веселья, любящій хорошенько попаровать.

по древнему Римскому численію, первыя календы мѣсяца Генваря.

Вотъ церемоніи праздника Щедреца. Вечеромъ (каждый день начиная съ кануна 1-го Генваря до 5-го и далѣе) собирается большой хороводъ парій (1), которые наряжаются въ разные костюмы и даже какъ-будто маскируются: костюмировка и маскировка ихъ состоятъ въ томъ, что одни наряжаются женщинами (2) съ безчисленными, разноцвѣтными, но безобразными повязками на головѣ, груди, рукахъ и ногахъ; другіе одѣваются животными разнаго рода, шперимѣръ (особенно) верблюдомъ, козю, журавлемъ, гусемъ и т. п., подбирая для этого соответствующее верхнее платье и ходя на четверенькахъ. Между этими наряженными есть свои *вожатые*, *припѣвалы*, *запѣвалы*, *забиралы* (3) и *музыканты* (игральники). Но главную роль между наряженными занимаетъ тотъ, кого наряжаютъ *Щедрецомъ*. Щедрецомъ избираютъ обыкновенно дѣтину высокаго, дороднаго; его одѣваютъ въ широкій плащъ (по большей части, яркаго цвѣта), увѣшанный разными колокольчиками, цвѣтнымъ тряпьемъ и длинными тесьмами всякаго рода; на голову надѣваютъ ему родъ короны изъ блестящей бумаги, на лице — родъ маски, уродливой, съ красными щеками и носомъ; изъ-подъ короны рассыпаются или, лучше, распу-

(1) Хороводъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ *щедраванцевъ*, *щедрующихъ* — *гасцѣй*, т. е. участвующихъ въ церемоніяхъ праздника Щедреца.

(2) Наряжающіеся женщинами подбираютъ себѣ какія-нибудь странныя названія, напр.: Мацѣра, Магера, Шушюра и т. п.

(3) Т. е. тѣ, которые забираютъ разные съѣстные припасы, деньги и пр. вообще все, чѣмъ гдѣ награждать за *щедрованье*.

скаются длинные волосы изъ конскаго хвоста; въ руки даютъ толстый *жезль*, украшенный различными цвѣтными тесьмами. Нарядивъ такимъ образомъ Щедреца, сажаютъ его на особо устроенную для этого случая тележку, освѣщенную фонарями, и увѣшанную разнымъ цвѣтнымъ тряпьемъ и бубенчиками. Тележку эту управляетъ такъ-называемый *Щедронецъ* (1), наряженный великаномъ, одѣтый во все красное; ему помогаютъ везти тележку и прочіе наряженные — *щедраванцы*. Этотъ пестрый хороводъ, при игрѣ музыкантовъ и пѣніи (2) припѣвалъ и запѣвалъ, расхаживаетъ по улицамъ и останавливается у каждаго дома. Для соблюденія церемоніальнаго порядка (3), *вожатый* отправляется къ хозяину дома спросить позволенія *пощедравать* (4) у него, а хороводъ между-тѣмъ поетъ подъ окномъ.

Испросивъ позволеніе у хозяина *пощедравать*, *вожатый* ссаживаетъ съ тележки Щедреца, и, въ сопровожденіи всего хоровода, входитъ въ комнату. Хозяева кланяются въ ноги Щедрецу и сажаютъ его на почетномъ мѣстѣ. Между тѣмъ, *вожатый* разставляетъ наряженныхъ у дверей комнаты, такъ чтобъ можно было рассмотреть всѣхъ ихъ по-одиначкѣ. Потомъ начинается гремѣть музыка.

(1) *Щедронецъ* — тотъ, который везетъ Щедреца.

(2) Пѣсни эти не имѣютъ никакой особенности; тутъ главную роль играетъ музыка.

(3) Хозяева всегда съ удовольствіемъ ожидаютъ въ этотъ день Щедреца и заранѣе бываютъ приготовлены къ встрѣчѣ *Щедраванцевъ*; они выходятъ на встрѣчу Щедрецу, такъ что *вожатому* и не нужно входить въ домъ для испрошенія позволенія *пощедравать*.

(4) *Щедравать* — отпраздновать Щедреца.

На средину комнаты выходитъ вожатый, кланяется пану-Щедренцу, и поочередно выводитъ на сцену всѣхъ наряженныхъ, и каждого изъ нихъ заставляеть выдѣлывать предъ Щедренцомъ разныя кривлянья, плясать, кувыркаться, дразнить кого-ни-попало (кромѣ Щедрена) и пр.. При каждомъ выходѣ на сцену вожатаго съ кѣмъ-нибудь изъ наряженныхъ, хороводъ прочихъ наряженныхъ поеть подъ музыку особыя пѣсни.

По окончаніи всѣхъ этихъ забавныхъ сценъ, вожатый кланяется Щедренцу, потомъ раскланивает-ся на всѣ четыре стороны, и въ комнатѣ все умолкаетъ, впрочемъ, не надолго. Начинаятся угощенія; хозяева потчуютъ изъ своихъ рукъ Щедрена (*) и щедравѣнца разными напитками (домашняго пригото-вленія) и кушаньями: и въ хороводѣ раздаются весело-шумный говоръ, хохотъ и восклицанія. За-мѣчательно, что если дѣло иногда доходить до дра-ки, то *расправу чинитъ панъ-Щедрецъ*.

Въ заключеніе, хозяева дарятъ щедрующихъ-го-стей блинами, колбасами (сырыми), саломъ, сырромъ и пр.; все это укладываютъ въ свои торбы *забира-лы*. Затѣмъ хороводъ выступаетъ въ новый путь: Щедрена проводятъ къ тележкѣ подъ-руки хозяева; за нимъ идетъ вожатый и пѣсенники, дальше заби-ралы и наконецъ прочіе наряженные; музыка и пѣ-сни въ это время особенно немилосердо терзають уши какого-нибудь проѣзжающаго, незнакомаго съ этою мелодіею, но Бѣлорусцы (разумѣется простой народъ) отъ нея въ восхищеніи. Поговорки: *На Щедреца*

(*) Щедрецъ только отвѣдываетъ всякаго кушанья и напитка.

штобъ не паперхнуцьца (пьючи водку) — чтобъ какъ-нибудь не поперхнуться во время (праздника) Щед-реца. *Што нащедравѣць, тобе прагуляць, ба щедра-вѣнае — змаравѣнае* — что получилъ во время Щед-реца, то прокутилъ, потому что прибрѣтенное во время Щедрена не бываетъ на долго — скоро про-падаетъ, выходитъ. Щедрецъ извѣстенъ во всей Бѣ-лоруссіи; только церемоніи самаго празднованія въ однихъ мѣстахъ разнообразѣе, а въ другихъ проще.

II. ДРЕВЛЯНСКІЙ.

мѣста наперед, и начинаютъ пѣть игровыя пѣсни, сперва наборныя, а потомъ хороводныя и другія. Напѣвшись досыта, заводятъ игры:

Иной разъ на праздничной бесѣдѣ являютя маски: на-пр. медвѣдь, быкъ и т. п. Последняя маска состоитъ въ слѣдующемъ. Мужикъ стоитъ на четверенькахъ, покрытый овчиной шубой, мѣхомъ вверхъ, на головѣ у него прикрѣпленъ на палкѣ горшокъ. Другой мужикъ, представляющій мясника, продаетъ быка, и продавши, разбиваетъ ему голову, т. е. обухомъ ударяетъ по горшку, который разлетается въ черешки, при единодушномъ хохотѣ зрителей.

Праздничная бесѣда продолжается до полуночи, или, по крестьянскому выраженію, до первыхъ пѣтуховъ.

В. НИКОЛАЕВСКІЙ.

БѢЛОРУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПОВѢРЬЯ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ (1).

XXXVII. Бордзя.

Бордзя (2), покровительница брака, или, лучше сказать, бракосочетавшихся, — т. е. новобрачныхъ, именно мужа и жены, а не вступающихъ только въ бракъ, т. е. жениха и невесты, которымъ покровительствуетъ Любмелъ (3). Любмелъ какъ бы обязанъ устроить бракъ, и посулить жениху и невестѣ предъ бракомъ счастье, для чего въ Бѣлоруссін и совершается обрядъ въ честь Любмела; но лишь-только женихъ и невеста сдѣлаются мужемъ и женою, Любмелъ передаетъ новобрачныхъ въ распоряженіе Бордзи. По понятію Бѣлорусцевъ, Бордзя усердно покровительствуетъ новобрачнымъ, и ни на минуту не перестаетъ витать надъ ними, (т. е. какъ бы ухаживать за ними), тѣмъ болѣе, что она знаетъ враждебныя отношенія Яркуна (4) къ себѣ и ко всѣмъ замужнимъ и

(1) Двѣ первыя статьи того же Автора, подъ всеобщимъ *Древлянскою*, напечатаны въ Прибавленіяхъ къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г. См. Отдѣленіе Литературное.

(2) *Бордзя* собственно значить — проворная, скорая; въ Верхне-Лужицкомъ нарѣчій есть слово *borsda* — прыгунья, легкая, какъ жутылекъ (говорится о женщинахъ).

(3) См. *Любмелъ*. Прибавл. къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г., стр. 102.

(4) См. ниже Яркунъ.

женатымъ. У Бѣлорусцевъ хранится какое-то темное языческое преданіе, будто Бордзя была когда-то дружна съ Яркуномъ, но въ послѣдствіи онъ оставилъ Борддю, и до того возненавидѣлъ ее, что сталъ постоянно преслѣдовать ее и не упускалъ ни одного случая вредить ей. Но какъ Бордзѣ собственно вредить Яркунъ не можетъ, потому что (по понятію Бѣлорусцевъ) она пользуется благоволеніемъ громовержца Перуна: то всю злобу свою Яркунъ изливаетъ на покровительствуемыхъ Бордзю людей — вступающихъ въ бракъ. Посему она ведетъ постоянную борьбу съ Яркуномъ, и, чтобы болѣе усилить въ ней, она выпросила у Перуна въ помощь себѣ двухъ духовъ: *Гарника* и *Павѣтника* (5), которыхъ разсыпаетъ въ разныя мѣста, для водворенія мира и дружбы между повобрачными. Бѣлоруссія богата довольно забавными преданіями касательно Бордзи. Такъ на-пр. хранится преданіе, будто Бордзя, въ ночь послѣ брачной пирушки неутомимо пляшетъ, поетъ и бѣгаетъ въ-запуски отъ радости, что усѣбла, на зло Яркуну, соединить новыя два существа; что, на другой день брака, невидимо присутствуетъ за столомъ повобрачныхъ и угощаетъ ихъ; что въ ихъ кушанья, для укрѣпленія между ими дружбы, подливаетъ какія-то капли и бросаетъ разныя краски (травы). За то повобрачные, обыкновенно въ теченіе первыхъ дней послѣ брака, ставятъ для Бордзи на столъ на первомъ мѣстѣ приборъ, наполненный яствами, послѣ того ставятъ его на куту (въ углу на почетномъ мѣстѣ), на ночь. Конечно, кушанья эти или съѣсть кошка, или вылить вонъ какая-нибудь суевѣрная старая женщина, а Бѣлорусцы

(5) См. ниже *Гарникъ* и *Павѣтникъ*.

крѣпко-на-крѣпко вѣрятъ, что это кушанье съѣла Бордзя, и тѣмъ показала свое благоволеніе (пабрацімасць) къ повобрачнымъ. Бѣлорусцы представляютъ Борддю необыкновенно миловидною женщиною, хотя и не совѣтъ молодую, всегда улыбающеюся, съ длинными свѣтлыми волосами, обнаженными руками и ногами по колѣна (6); въ одной рукѣ она держитъ какую-то вѣточку (кажется чародѣйную трость), а въ другой — травы (краски). Поговорки: *Разборзилася, якъ за Бордзю*, т. е. живетъ счастливо, богато, какъ будто ей покровительствуетъ Бордзя (говорится о женщинахъ, дурно живущихъ, или даже не живущихъ съ мужьями); *кабъ зъ цябѣ Бордзя смыкнула*, — чтобъ тебя Бордзя оставила, лишила покровительства своего; *э!... ба не адъ Бордзи*. Э!... потому, что не по любви (бракъ состоялся)... Вотъ еще припѣвъ о Бордзѣ, который поютъ жены Бѣлорусцевъ, во время ссоръ, или разлада съ мужьями:

Лэй-авэй-же Бордзячка!
 Да глѣжь ты глѣжь цяперечка,
 Куды жъ ты заѣѣлася,
 Чы жъ я жъ цябѣ смыкала?
 Вярнісяжътка ты Бордзячка!
 Недай ты Яркунѣ мянѣ,
 Звядзи жъ изноль красудчка
 Ты насъ, и свѣтъ же не зманѣ...

Што ты Бордзя

Што ты хворса

И не сестра

И не збратнѣ

Таму...

Атъ-Яркуну!..

(6) Такое изображеніе Бордзи встрѣчается въ рукописяхъ Бѣлорусскихъ старожиловъ.

Переволь:

Увы, увы Бордзячка!
 Где же ты теперь,
 Куда ты дѣвалась?
 Развѣ я сдѣлалась недостойною твоей милости?
 Веротисъ же Бордзячка!
 Не отдай меня на произволъ Яркупу,
 Помири, миленькая, насъ опять,
 И люди больше не обмануть насъ!
 Что ты Бордзя,
 Что ты, хвастунья!
 Нѣтъ, ты не сестра
 И не защитница
 Того —
 Яркуна...

Бордзя известна во всей Бѣлоруссiи, только подъ разными именами; подъ именемъ Бордзи известна въ Минской Губернiи и частию Могилевской, Оршннскомъ и Бабиновичскомъ уѣздахъ (7).

XXXVIII. Гáрникъ.

Гáрникъ — старшiй духъ-помощникъ покровительницы повобрачныхъ Бордзи. Самое слово *Гáрникъ* — отъ *гáрни*, хороший, красивый — показываетъ, что Гáрникъ, по понятiю Бѣлоруссцевъ, добрый, благодѣтельный духъ. И дѣйствительно, Бѣлоруссы думаютъ, что Гáрникъ усердно служитъ Бордзѣ въ охраненiи и защищенiи ново-

(7) О Бордзѣ, какъ божествѣ Славяно-Русскомъ, упоминаетъ одинъ Польскiй изыскатель древностей Славянскихъ. См. *Slawianie w ba-daniach poczalkowych z historyi powszechney*, стр. 337.

брачныхъ отъ ссоры, браней и въ непосланiи имъ разныхъ житейскихъ потребностей. Гáрникъ, по мнѣнiю Бѣлоруссцевъ, неотлучно бываетъ при Бордзѣ, какъ самый надежный и преданный ея слуга. Слово Гáрникъ, нерѣдко въ разговорѣ Бѣлоруссцевъ, принимаетъ значенiе нарицательнаго имени. Гáрникъ извѣстенъ почти во всей Бѣлоруссiи. Поговорки: *Бадáй Гáрникъ* — какъ-будто красавецъ Гáрникъ (говорится о хорошенкнхъ дѣтяхъ); *не зъ Гáрника, не зъ Бордзи пашли у ихъ дѣти* — не хороши, не красивы у нихъ дѣти; *Гáрникъ прыгари, вся, и мужыкъ адъ кр вды апраи, вся* — прiютился Гáрникъ, и мужыкъ не боится ссоры.

XXXIX. Жéвжыкъ.

Жéвжыкъ (8) — покровитель рѣкъ, или водяное божество (но не духъ, какъ на-пр. *Водавикъ* или *Лазавикъ* — см. эти слова). *Жéвжыкъ* собственно значить проворный, ловкiй. Бѣлоруссы представляютъ его старичкомъ толстымъ, небольшого роста, съ рыжею бородою, длинношею, маленькою головкою, съ длинными, но маленькими ручками, — а длинными пальцами, и тонкими ногами (9), но при всемъ томъ необыкновенно сильнымъ, живымъ и проворнымъ до чрезвычайности. Такое понятiе о *Жéвжыкѣ* Бѣлоруссы составили себѣ, вѣроятно, потому, что они вѣрятъ, будто онъ живетъ всегда въ водѣ, на самой глу-

(8) Что-то похожее на *Жéвжыка* есть у Литовцевъ, особенно въ Гродненской Губернiи, — даже называется созвучно — *Жу'вжа*...

(9) Точь-въ-точь такое изображенiе случилось мнѣ видѣть на рисункѣ въ домашней библиотекѣ одного Бѣлорускаго помѣщика (въ Витебской Губернiи); при рисункѣ есть текстъ какого-то *Залуйки*....

бнѣ — въ *virt* (10), и необыкновенно ловко плаваѣтъ подѣ водою и на поверхности, разгоняя впереди себя волны огромнѣйшимъ *жу тломъ* (11). Подѣ водою плаваѣтъ онѣ днемъ, наблюдая за теченіемъ ея; а ночью — на поверхности воды; но его никто не можетъ видѣть: потому что онѣ плаваѣтъ въ челнокѣ невидимкѣ (чѣнѣ-недѣбѣцѣ), и къ тому же закрываѣтся жу тломъ отѣ глазъ людскихъ. При видѣ какой-нибудь опасности, предстоящей челнокѣ, на-пр. если увидитъ утопающаго челнокѣ или тонущее судно, онѣ однимъ взмахомъ своего жу тла спасаетъ ихъ; онѣ же укрощаетъ бури и вѣтры. Такое понятіе Бѣлорусцевъ о Жевжыкѣ и приписываемыя ему свойства, должны были бы, кажется, создать въ фантазіи Бѣлорусцевъ и божество чудовищное, огромное, а между-тѣмъ Жевжыкѣ является тощимъ старикомъ, правда ловкимъ и проворнымъ, но все-же ниславо не похожимъ ни на Нептуна, ни на Лартона у Оракіищевъ и Гетовъ. Такую странность фантазіи можно оправдать развѣ тѣмъ, что, по понятію Бѣлорусцевъ, всѣ длинношеи и рыжебородые необыкновенно сильны. Притомъ же Бѣлорусцы говорятъ, что божеству водному всего лучше быть небольшого роста, тощимъ, чтобъ ловче и легче управляться подѣ водою. Жевжыку подчинены всѣ водные духи, въ томъ числѣ Водавикъ и Лазавикъ. Жевжыка знаютъ почти всѣ Бѣлорусцы. Поговорки: *Искъ Жевжыкѣ* — какой проворный, ловкій! *Бы Жевжыкѣ тыраѣ* — словно Жевжыкѣ плаваѣтъ; *Жевжыкѣ-ты-рудѣ*

(10) *Virg* — собственно глубина, яма, темное мѣсто, подземелье, подводная пропасть.

(11) *Жу тло* — длинный шестъ съ двумя желѣзными зубцами на концѣ.

барада... ахъ Жевжыкѣ — рыжая борода... Жевжыкѣ — иногда значить карликъ, или даже просто — мальчишка.

XI. Злыдзень.

Злыдзень — какой-то враждебный духъ. Слово *злыдзень* собственно означаетъ — негодные, дрянные остатки, недоѣдки, въ переносномъ смыслѣ — нѣчто ядовитое, вредное. Отсюда, кажется, родилось понятіе Бѣлорусцевъ объ этомъ духѣ. Они считаютъ его какимъ-то отвергнутымъ духомъ; сначала, *Злыдзень* былъ въ ласкѣ (въ милости) у Перуна; но послѣ, за непокорность, громовержецъ удалилъ его отъ себя, и съ тѣхъ поръ *Злыдзень*, какъ отверженный, сталъ дѣлать зло людямъ, особенно малымъ дѣтямъ. Думаютъ въ Бѣлоруссіи, что всѣ ушобы, уродства и вообще несчастія, приключаются съ дѣтьми, происходятъ по злобѣ *Злыдзена*. Бѣлорусцы представляютъ его въ видѣ большой змѣи съ огромною пастью и однимъ огненнымъ крыломъ во всю спину, но съ ногами и однимъ глазомъ на крылѣ. Видно, что это — извращенное и затемненное временемъ понятіе объ отпадшемъ духѣ Свѣтоносцѣ (*Lucifer*). *Злыдзень* извѣстенъ во всей Бѣлоруссіи (12). Поговорки: *Злыдзень ты гѣ тѣки* — экой ты враждебный духъ — нечистая сила.

XII. Зничка.

Зничка — охранительница кладбищъ. *Зничка*, по мнѣнію Бѣлорусцевъ, всегда живѣтъ на кладбищахъ и

(12) Въ некоторыхъ мѣстахъ этотъ духъ извѣстенъ подѣ именемъ: *Гу'каль*, *Крылдзѣн* и т. п.

имѣеть подѣ своимъ вѣдѣніемъ всѣхъ могильныхъ духовъ, привидѣнія и разныя странности; въ полночь она обыкновенно блуждаетъ по могиламъ и оплакиваетъ тѣла умершихъ, предаваясь разрушенію; Бѣлоруссы вѣрятъ, что на кладбищахъ слышны стоны и рыданія ея. Еще болѣе плачетъ она надъ могилами недавно погребенныхъ. Зникча невидима, неувидима, какъ духъ (13), хотя иногда и является людямъ ночью. Ее представляютъ въ видѣ женщины очень малаго роста, тощей, желто-блѣдной, костлявой, съ распущенными волосами, босою, въ свѣтлицѣ, прозрачномъ бѣломъ саванѣ, испещренномъ яркими звѣздочками; въ правой рукѣ у нея длинный свѣтящійся прутикъ. Есть повѣрье, будто этимъ прутикомъ она очерчиваетъ себя, при встрѣчѣ съ Кошшею (14), которая ненавидитъ ее и всегда враждуетъ противъ нея, за сожалѣніе къ умирающимъ людямъ. Преданіе о Зникчѣ, кажется, сохранилось въ Бѣлоруссіи по наслѣдству отъ другихъ Славянъ, — хотя оно, можетъ быть, нѣсколько переделано на свой національный ладъ. Еще у Кельтовъ была какая-то богиня Зпѣчча (Snetſca), т. е. блуждающая, какъ тѣнь (15); у Кроатовъ — Зничокъ (Znygǎz), могильное привидѣніе (16); у Вендовъ — Зничѣта (Sniacſta) — блуждающій по кладбищамъ духъ (17). Поговорки: *Раскилася лѣтъ Зничка*, — рас-

(13) Что объясняетъ и самое значеніе слова *Зничка* — невидимка, неувидима, тѣнь.

(14) См. ниже слово Кошша.

(15) Bibliotheca Slavica, studio et opera, F. Durich, Vindobonae, 1793, — S. 1.

(16) Syllabus vocabulorum Latino-Croaticorum in usum exterorum delectus, S. 1.

(17) Ioakima Stulli rjecosloskie, u Dubrovniku, 1806, 9. 2.

плакалась какъ Зничка; на Зникчу наткнулася, гарькухай зрабилася — вѣрно встрѣтилася съ Зникчею, что такъ разгоревалася; *Зничка — шчаг сеньки тима!* — это призракъ, тѣнь, — ничего нѣтъ; *каля Зничка* — что за неувидимая, т. е. проворная!... Зникча извѣстна въ Могилевской Губерніи и отчасти въ Минской, именно — Борисовскомъ и Игуменскомъ уѣздахъ.

XLII. Кликунь.

Кликунь (18) — дорожный духъ, впрочемъ, не злой, хотя по виду грозный. Бѣлоруссы представляютъ его тощимъ великаномъ, въ оборванномъ балахонѣ, съ длиннѣйшими руками и такими же волосами на головѣ; въ одной рукѣ у него огромнѣйшій кнутъ изъ конскаго волоса, а въ другой — золотой рогъ. Съ этимъ-то рогомъ, говорятъ, и кнутомъ, Кликунь разбѣзжаетъ по дорогамъ днемъ и ночью на подвластномъ ему духѣ, въ видѣ большой змѣи: днемъ, во время жаровъ, а ночью, — при свѣтѣ луны, и странно, дико визжитъ. Кликунь, какъ и всякій духъ, невидимъ, но его можно узнать днемъ потому, что когда онъ проѣзжаетъ, то пыль вѣется вихремъ и кружится очень высоко: человѣкъ долженъ остерегаться, чтобъ не переѣхать чрезъ этотъ вихрь — иначе разгнѣвить Кликуна; попробуй кто проѣхать, Кликунь махнетъ своимъ кнутомъ, блеснетъ рогомъ, свиснетъ

(18) *Кликунь* значитъ, крикунь, громко, пронзительно кричащій, визжащій, свистушій; иногда означаетъ клеветникъ; по Литовски (klikti) и по Кроатски (klicuti) имѣеть то же значеніе (см. Корнелловъ Русс. языка Шимкевича — слово *кликать*). Не то же ли это, что *кликунша* во внутреннихъ Губерніяхъ Россіи.

страшно (гáркнеть вырáзно) и какое-нибудь несчастіе разразится надъ человѣкомъ. Ночью о проѣздѣ Кликуня можно узнать по запаху сѣры, которую издаетъ везуній его духъ. Бѣлорусскій Кликунъ имѣетъ большое сходство съ Русалкою Сербскою, которая также у Сербовъ называется Кликунъ (19). Шимкевичъ приводитъ въ своемъ «Форнесловѣ» глаголы Сербскіе *кликнути*, *клини*, и говоритъ, что они значатъ — звать, какъ Русалка (20). Кликунъ извѣстенъ всемъ Бѣлорусцамъ; рѣдкое дитя даже не знаетъ о немъ (разумеется, между простолюдинами). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Минск. Губери.) называютъ его — *Кликусь*. Поговорки: *Какъ цѣбе Кликунъ спаткавъ!* — чтобъ тебѣ Кликунъ на встрѣчу попался! *Кликунъ цѣбе возми* — чтобъ тебя взять Кликунъ; *Кликунъ ты сбрѣдѣвъ!* — Клеветникъ ты! палгалъ; *лкъ той Кликунъ, растрѣваный, невчсѣны, абарваны, зъ пугай, и дындурѣ сабъ палъсу, на бору, да на великаму шлѣху* — *Кликунъ!*.. Настоящій кликунъ — растрѣванный, непричесанный, оборванный, съ кнутомъ, и бродитъ себѣ по лѣсу, по дубравамъ да по столбовой дорогѣ — Кликунъ право такой!.. (брань очень оскорбительная у Бѣлорусцевъ). *Трѣси табѣ Кликуну — брѣхуну* — лихорадка тебя возми; *Кликунъ ты* — дуракъ. Иногда суевѣрный Бѣлорусецъ, а въ особенности Бѣлорусянка, отправляясь въ дорогу, обращаются къ Кликуну съ слѣдующею просьбою:

(19) См. Српски рјечник, истолкованъ Нѣмачкима Латинскимъ рјечма. Скупно га и на свијемъ издао *Вукъ Стевановић*. У Бечу, 1818. у 8.
 (20) Форнесловъ Русскаго языка, О. Шимкевича, слово *кликать*. То же значеніе имѣетъ слово *кликать* въ пѣсни Игорю Святославичу (Слово о полку Игоревѣ). См. изданіе Михаила Максимовича, Гл. III, 3 (стр. 10): Дивъ кличетъ верху древа — Дивъ (т. е. водяной духъ или богъ) кричитъ на деревѣ (Кіевъ, 1837 года).

Выправѣдъ Кликусь
 Ты мене зъ дарогн
 Ціомнай, гдзѣль вибудзъ
 Грѣбли, бервенчуги..

Мой Кликусь
 За мене небоже —
 Мой Кликусь
 Мярны золотабоже!..

Переводъ:
 Выведи Кликунчикъ!
 Ты меня съ дороги
 Темной, куда-нибудь
 Только бы не на испорченную
 плотину.

Помоги мнѣ,
 Мой Кликунчикъ!
 Невидимка, золотобогъ!
 Мой Кликунчикъ!

XLIII. Кльцьникъ.

Кльцьникъ — охранитель кладовыхъ. По понятію Бѣлорусцевъ, каждый хозяинъ имѣетъ своего Кльцьника, точно такъ же, какъ и всякій хозяинъ имѣетъ Цмока-Домовика (21). Впрочемъ, различіе между Кльцьникомъ и Цмокомъ то, что послѣдній доставляетъ деньги своему семьянину, дѣлаетъ нивы его плодоносными, а коровъ дойными (т. е. дающими много молока), вообще смотритъ за всемъ его хозяйствомъ; между тѣмъ какъ Кльцьникъ смотритъ только собственно за кладовыми и заботится о ихъ цѣлости. Конечно, и въ кладовой можетъ находиться все то, за чемъ смотритъ Цмокъ-Домовикъ, но все-же Кльцьникъ заботится только о собранномъ уже и сложенномъ въ кладовыхъ. Впрочемъ, какъ видно изъ значенія самаго слова *кльць* — изъ котораго образовалось и Кльцьникъ — въ кладовыхъ не лежитъ все то, за чѣмъ смотритъ Цмокъ-Домовикъ. Въ кладовыхъ — клѣткахъ (кльць — кладовая въ одномъ зданіи съ жилыми ком-

(21) См. слово Цмокъ.

натами) только кладутъ платъе, бѣлье, холстъ, нитки, шерсть, волокна разныя, иногда же и некоторые огородныя овощи, разныя сѣмена (и то иногда), также въ укладкахъ (22) деньги (23), но отнюдь не полевые сборы, на-пр. рожь, пшеницу или картофель, или же сало, говядину и проч.; для этого есть такъ-называемый *свірени* — амбаръ. Какъ бы то ни было — Кляццникъ смотритъ только за *кляццли*, за кладовыми, т. е. за тѣмъ, что уже собрано въ кладовыхъ. Другое различіе между Кляццникомъ и Цмокомъ-Домовикомъ то, что Цмокъ-Домовикъ, какъ будто изъ корысти смотритъ за добромъ своего семьянина: великій хозяинъ долженъ своему Цмоку-Домовику ежедневно готовить по ячницѣ. Между тѣмъ Кляццникъ безъ всякаго вознагражденія со

(22) *Укладъ* бы значить какъ бы коммодъ, или круглый шкатель.

(23) Замѣчательно еще, что клятви у Бѣлорусцевъ по преимуществу служатъ для сохраненія находящихся тамъ въ укладкахъ денегъ, разумеется денегъ лишнихъ, остающихся отъ бережливаго распоряженія ими. Были примѣры, что, по пресѣченіи цѣлаго поколѣнія семьи, вступившая во владѣніе этою клятвю семья находила въ ней подъ поломъ закопанная въ чугушномъ горшкѣ деньги. Этотъ обычай въ Бѣлоруссіи хранить деньги въ клятвяхъ ведетъ начало свое отъ глубокой древности. Еще у Леттовъ и Семигалловъ (нынѣшнихъ Литовцевъ) было обыкновеніе сберегать на черный день или ночь (*dargana nakts* — т. е. на бурную ночь) деньги въ клятвяхъ (*kletis*). Даже самое слово клятви — *kletis* — рѣшительно такое же имѣетъ значеніе, какъ и у Бѣлорусцевъ, даже болѣе, сколько намъ нужно для подтвержденія этого тождества: именно значить — казначеище. Такое же значеніе и назначеніе имѣли въ древности и у насъ на Руси такъ-называемыя клятви. Слово *клятва*, какъ видно изъ Корнеслова Шимкевича, въ старину значило казначеище (между прочимъ). Въ этой клятви хранились деньги: «Допоцмокъ» — сказано въ старинной Литовскій — «взметъ 20 гривенъ у Князя изъ клятви». (См. Корнесловъ Ф. Шимкевича, стр. 101, слово *клятва*).

стороны своего кліента усердно заботится о благосостояніи его 'кладовѣй. Цмока-Домовика могутъ разгнѣвить, не приготовивши ему ячницы и чрезъ то лишиться его помощи; но Кляццника ничѣмъ не удаливъ отъ себя: онъ изъ одной любви къ покровительствуемому имъ бережетъ его кладовую; требуетъ только, чтобъ хозяинъ ревностно заботился объ уборкѣ своихъ поствовъ: не его вина, если у хозяина не много накоплено въ кладовой. Кляццникъ не имѣетъ права добавлять, увеличивать количество имущества въ кладовыхъ; это значило бы войти въ предѣлы власти Цмока-Домовика. При томъ же нужно замѣтить и то, что Цмокъ-Домовикъ, по понятію Бѣлорусцевъ, духъ, и притомъ едва ли добрый духъ: потому что представляется въ видѣ змѣи (24), а Кляццникъ — покровитель, хранитель кладовыхъ, значить добрый духъ. Бѣлорусцы очень дорожатъ покровительствомъ Кляццника, какъ добраго и сострадательнаго духа, тѣмъ болѣе, что онъ, въ случаѣ нужды, или когда предвидитъ неурожай, является во снѣ хозяевамъ, и даетъ имъ совѣты, или же предостерегаетъ не роскошничать, не избыточествовать. Въ то время, когда является во снѣ для совѣта, или для предостереженія, Кляццникъ бываетъ мраченъ, голова у него не покрыта, обнажена. Иначе же, въ обыкновенное время, Бѣлорусцы представляютъ Кляццника веселымъ, улыбающимся старичкомъ, съ длинными золотистыми волосами на головѣ, съ такими же усамп, и съ сѣдою, необыкновенной величины, бородою; на голо-

(24) Далѣе мы замѣтимъ, что въ видѣ змѣи и вообще въ видѣ животныхъ Бѣлорусцы представляютъ только нечистыхъ духовъ, но отнюдь не совершенно-добрыхъ. (См. слово *Méua*).

въ у него мужской завой (25) золотистаго цвѣта; руки — т. е. самая кисть руки Клѣцника — косматая (волоса тоже золотистые). Походка у него веселая, скорая и смѣлая. Двѣмъ онъ никогда не является. Такое понятіе Бѣлорусцевъ о Клѣцникѣ имѣетъ большое сходство съ понятіемъ Литовцевъ о божествѣ Клетивисъ (Klėivys — отъ klėtis — клѣть, казнохранилище), кажется — кладовъ, или вообще домашняго имущества, какъ видно изъ намека Штендера (26). Нѣчто похожее на Клѣцника есть и у Богемцевъ — именно Кледстень (Klädstenn — отъ kladsti, klásti — находить кладъ, или класть деньги въ землю) (27) и, кажется, значить божество кладовъ, или денегъ (28). Не говоримъ уже, что подобное слово — Клѣтвикъ въ такомъ же значеніи встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, впрочемъ ближайшихъ къ Бѣлоруссіи. (Не знаемъ, которому изъ этихъ двухъ краевъ болѣе туземно слово Клѣцникъ, или Клѣтвикъ?) Клѣцникъ по преимуществу извѣстенъ въ Могилевской и Минской Губерніяхъ; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Минской Губерніи, именно въ Борисовскомъ и Игуменскомъ, гдѣ, такъ любя букву я, говорятъ Клѣцникъ — (впрочемъ то же, что и Клѣцникъ). Поговорки: *На клѣцника наспадзѣлася, спазарѣнку разгуляея* — понадѣлся на Клѣцника, да и началъ заранѣе гулять; *Клѣцусь,*

(25) *Завой* мужской отличается отъ женскаго (см. Дѣва) тѣмъ, что онъ подвизывается изъ какой-нибудь шелковой матеріи, или холста и притомъ из-заду, безъ концовъ, какъ бываетъ у женщинъ.

(26) Lettisches Lexicon, von G. F. Stender. Mittau, 1789, 8, 2. См. слово Klėtis.

(27) См. Корнелловъ Ф. Шимкевича, слово *кладу*.

(28) Lexicon Slavicum Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum, auctore Antonio Bernotak. Budae, 1823, 8, 6. См. тамъ слово *klädsti*.

Клѣцусь! а въ клѣци зыцусь — надѣйся на Клѣцника, а въ кладовой пусто, т. е. само не придетъ въ кладовую, сели не положишь туда своими трудами; *баржджѣй да Клѣцника, камъ грошай тмашака* — все равно, что Русская поговорка — коли тревога, тогда до Бога... Когда нѣтъ денегъ, тогда къ Клѣцнику обращаешься съ просьбой.

XLIV. Кляскунъ.

Кляскунъ — божество луны и вмѣстѣ, кажется, лѣтнихъ забавъ и удовольствій. Кляскунъ, отъ глагола *кляскаць*, бить въ ладоши, подпрыгивая, подскакивая, щелкать языкомъ отъ радости — значить, хлопающій въ ладоши отъ радости, или всегда подпрыгивающій, оттуда веселый, любящій забавы, удовольствія, веселье (29). Уже самое значеніе слова Кляскунъ показываетъ, что это за божество; видно, что это что-то похожее на Бахуса. И дѣйствительно, Бѣлорусцы представляютъ Кляскуна молодымъ, красивымъ, необыкновенной величины, статнымъ, съ длинными свѣтлыми волосами, веселымъ, разгульнымъ, и неизвѣстно почему съ мѣсяцемъ во лбу. Бѣлорусцы объясняютъ это по своему. Они говорятъ, что Кляскунъ прежде жилъ на небѣ, и подъ его вѣдѣніемъ былъ мѣсяць, или луна; будто онъ распоряжался тамъ какъ у себя дома, поворачивалъ луну, показывалъ ее людямъ, когда слѣдовало, пряталъ ее, освѣщалъ и развѣзжалъ въ ней по

(29) У Сербовъ есть похожее слово — *кляска́ти*, бить ключемъ, подскакивать, прыгать. У Боснійцевъ — *kgljegskjatti*, бурлить, пѣниться, кипѣть, отсюда шумѣть, буянить. У Поляковъ *klaskac* значить бить въ ладоши, хлопать, рукоплескать отъ радости.

небу, но всегда долженъ былъ находиться при ней неотлучно, и смотрѣть своими ясными очами прямо въ нее (30); въ случаѣ же отлучки его, по волѣ Перуна, луна потемнѣла: потому что при ней не было свѣтлаго лица Кляскуна (31). Однажды Клясунъ отлучился безъ позволенія Перуна, и долго не возвращался: онъ былъ гдѣ-то на шире у другихъ божествъ. Перунъ разгнѣвался и столкнулъ его съ неба на землю; но на память, что онъ былъ водителемъ или хранителемъ луны, Перунъ отпечатлѣлъ на лбу его изображеніе луны (мѣсяца), на мѣсто же его приставилъ другаго. За то и презабавная церемонія совершается въ Бѣлоруссіи въ честь Кляскуна. Вотъ она. Лѣтомъ, по преимуществу въ мѣсяцѣ Маѣ, рѣдко впрочемъ въ Юнѣ или позже, въ ясный день по закатѣ солнца, именно когда взойдетъ луна, хороводъ дѣвицъ и парней, выбравъ стройнаго дѣтину, убравъ его разными цвѣтами, наклеивъ на лобъ изъ цвѣточныхъ листьевъ что-то въ родѣ луны, приводятъ его въ лѣсъ, на поляну. Съ хороводомъ впереди Кляскуна, дѣвочка лѣтъ 9-ти, съ вѣнкомъ изъ зелени на головѣ, несетъ круглый пирогъ, испеченный дѣвушками, и убранный разными травами и цвѣтами, а парни, позади, несутъ разные лепешки, блины, сыръ, медъ, пиво, варенуху, хлѣбъ и молоко, все это на носилкахъ, убранныхъ зеленью. Во время всего этого хода, хороводъ поетъ разныя пѣсни, впрочемъ болѣе безъ всякаго значенія въ отношеніи къ церемоніи.

(30) Бѣлорусы вѣрятъ, что въ лунѣ, когда бываетъ совершенно свѣтлое и чистое небо, стоитъ водитель или хранитель ея и прямо смотритъ на землю; отъ того-то говорятъ, на лунѣ видно полное лицо человеческое.

(31) Каково объясненіе затмѣнія луны!...

Вотъ только одна, относящаяся къ самому Кляскуну и обряду въ честь его.

Сначала поетъ запѣвало, потомъ послѣднія слова повторяетъ весь хороводъ, хлопая въ ладоши.

Запѣвало (три дѣвушки въ три голоса):

Ясны мѣсячыкъ вайшовъ!

Красны Небчыкъ вказався,

Знаць вже, јѳнъ тулы пришовъ

Засвѣцивъ и заляскався

Хороводъ } Клясь, клясь! Клясунъ

2 раза. } Клясь, клясь! Клясунъ!...

Запѣвало: Заласкай же, Ляскунокъ!

Засвѣцижъ-же-жъ мѣсячкомъ.

Дай намъ радасьць, агавчѳкъ

Для гульни за тое вробѳмъ.

Хороводъ } Клясь, клясь! Клясунъ!

2 раза. } Клясь, клясь! Клясунъ!

Запѣвало: Спамяни-тва, спамяни

Якъ тамъ зъ мѣсячкомъ, и зъ Перуномъ!

Вздзвивъ ты усякі дни

На всямужежъ небу тамъ кругомъ!

Хороводъ } Клясь, клясь, Клясунъ!

2 раза. } Клясь, клясь, Клясунъ!...

Запѣвало еще веселѣе...

Отъ и въ насъ жежъ ты пшперъ,

Ты вже нашъ, Лясунъ ты, нашъ, нашъ!...

Мы пасадзимъ на шецѳнъ

Кляскуна, ба ты нашъ, ба ты нашъ!...

Хороводъ } Клясь, клясь, Клясунъ!

2 раза. } Клясь, клясь, Клясунъ!...

Переводъ

Ясный мѣсяцъ взошелъ,
Небо побатровѣло,
Вѣрно, онъ уже туда пришелъ,
Заяснѣлъ, разыгрался.

Клясь, клясь, Кляскунь!

Клясь, клясь, Кляскунь!

Заиграй же, Кляскунокъ!
Будь ясенъ какъ мѣсяцъ,
Пошли намъ радость, а мы за то
Разведемъ огонь на потѣху.

Клясь, клясь...

.....

Вспомни, вспомни,
Какъ ты тамъ всякой день
Разъѣзжалъ по всему небу кругомъ
Цѣлуетъ съ луною и Перуномъ!

Клясь, клясь...

.....

Теперь ты явился намъ,
И уже нашъ ты Кляскунь:
Мы посадимъ тебя Кляскуна на посылки,
Потому-что ты нашъ!..

Клясь, клясь...

.....

Пришедши въ лѣсъ, на поляну, хороводъ и въ срединѣ его Кляскунь собираются толпою и назначаютъ, кто долженъ взять хлѣбъ, кто молоко, кто сыръ, кто блины и т. д. Затѣмъ, все разбѣгаются, какъ бы въ разсыпную; остается на своемъ мѣстѣ только Кляскунь, и при немъ посылки. Онъ садится на посылки и начинаетъ плести вѣ-

нокъ изъ прежде приготовленныхъ уже для того цѣт-
товъ. Между тѣмъ, каждая дѣвушка и каждый парень,
бывшіе въ хороводѣ, приносятъ поодиначкѣ по маленькой
вязанкѣ сухихъ прутьевъ, листьевъ, вересу и т. п. и кла-
дутъ у ногъ Кляскуна. Наносивши довольно большой кост-
теръ, хороводъ садится вокругъ Кляскуна цѣпью на зем-
лѣ, и въ ожиданіи, пока Кляскунь совѣтъ церемоніаль-
ный вѣнокъ, поетъ слѣдующія слова:

Отъ уже и вѣтки есьць,

Склали бурунь пайвалики,

Ай чы скоро жи юнъ савѣць

Гѣты свой вѣнокъ матыхи (31)...

Отъ и скоро, скоро у-стокъ

Мы разнецимъ аганьчѣкъ...

2-ва } Клясь-клясь-Кляскунь!

раза } Клясь-клясь-Кляскунокъ.

Протяжно: Клясь!

Клясь!

Переводъ:

Вотъ ужъ и вѣтки есть,

Навалили огромный костеръ,—

Скоро ль онъ совѣтъ

Свой вѣнокъ изъ матыхи.

Вотъ ужъ скоро— кстати

Мы разведемъ огонекъ...

Клясь, клясь, Кляскунь!..

Клясь, клясь, Кляскунокъ!

Клясь!..

Клясь...

(31) Матыхи— т. е. изъ матыхи— такая трава.

Свивши вѣнокъ, Кляскунъ встаетъ съ носилокъ, а за нимъ подымается и хороводъ. Кляскунъ подходитъ къ костру, добываетъ огня, и, зажегши одинъ прутикъ, передаетъ его той дѣвушкѣ, которая несла пирогъ; дѣвушка зажигаетъ костеръ. Между тѣмъ Кляскунъ садится на носилки, держа въ рукахъ вѣнокъ, а четыре парня берутъ носилки, поднимаютъ надъ зажженнымъ костромъ, и въ такомъ положеніи колеблютъ носилки на воздухѣ, пока костеръ не разгорится: тогда Кляскунъ бросаетъ вѣнокъ въ огонь, прищѣвая — *клясь-клясь* и хлопая въ ладоши и этимъ даетъ знать, чтобы прекратили колебаніе носилокъ; парни ставятъ носилки не много поодаль отъ огня и становятся съ четырехъ сторонъ у носилокъ; у ногъ же Кляскуна садится дѣвочка съ широмъ. Пока парни колеблютъ носилки надъ огнемъ, хороводъ шѣпю окружаетъ костеръ, прищѣвая (сначала обыкновеннымъ голосомъ, потомъ, по мѣрѣ увеличенія пламени на кострѣ, громче и громче):

Мѣсячку, мѣсячку бѣлы!

Кругленьки ты ясьненьки!

Мѣсячокъ же ты паспѣлы (32)!

Засвѣдижь на крашенки (33)!

Разнецижь ты гѣты аганьчѣкъ

(Не таки юнъ, якъ тамъ есть твой)

Кляскуну на прыпаміначакъ

Якъ юнъ мавъ тамъ аганьчѣкъ свой...

Дай же радасць дай же Кляскуну!

Зъ имъ и намъ же разамъ лепѣй будзе,

(32) *Паспѣлы*: т. е. созрѣвшій, налившійся, полный.

(33) *Крашенки*— прутиа съ зеленою, или стебельки съ цвѣтами.

Дай же яснасьць, краска (34), ты яму, —
На забаву, и на скоки въ гудзѣ.

Ой ты, мѣсячку, мѣсячку!

Ой ты ясьненьки мѣсячку!

Ой ты бѣленьки!

Пащъ паспѣленьки!...

Клясь, клясь — Кляскунъ

Ой клясь, ба клясь

Пащъ, пащъ Кляскунъ!

Ой клясь, ба клясь!

Клясь — клясь!

Клясь!... (хлопаютъ въ ладоши).

Переводъ:

Бѣлый мѣсяцъ, бѣлый

Кругленькій ты, ясный!

Мѣсяцъ ты полный,

Засвѣти костеръ...

Разведи ты этотъ огонекъ,

(Не такой, какъ тамъ у тебя)

Чтобъ напомнить Кляскуну,

Какой былъ тамъ у него огонекъ.

Обрадуй же, обрадуй Кляскуна,

Съ нимъ и намъ лучше будетъ,

Освѣти его, миленькій, своимъ свѣтомъ,

На радость и погѣху ему и хороводу.

Охъ, ты мѣсяцъ, мѣсяцъ!

Охъ ты ясный мѣсяцъ!

(34) *Краска*, собственно значить цвѣтокъ, въ переносномъ смыслѣ — красавецъ.

Ой ты блещькій
Весь наливийся!..

Клясь, клясь, Кляскунь!

Ой, клясь,— клясь...

Кляскунь нашъ!

Ой клясь, клясь!

Клясь, клясь!

Клясь!..

За тѣмъ весь хороводъ полукружіемъ садится на другой сторонѣ разгорѣвшагося костра, противъ Кляскуна. Тогда дѣвушка подноситъ Кляскуну пирогъ; Кляскунь разламываетъ его пополамъ и вынимаетъ изъ середины его рюмку (ступачку — собственно маленькій деревянный кубокъ), наполненную какими-то травами. Эти травы и частичку пирога Кляскунь бросаетъ въ огонь — приговарывая: *клясь, клясь!* и хлопая въ ладоши, хоръ вторитъ: *клясь!*.. а рюмку и пирогъ откладываетъ въ сторону на носилкахъ. Дѣвушка кланяется и обращается къ хороводу съ словами, *клясь, клясь,* и хлопая въ ладоши. Это служитъ знакомъ, чтобы всякій съ своимъ добромъ подходилъ къ Кляскуну. Хороводъ отвѣчаетъ тѣмъ же и тогда поодиночкѣ несутъ свое добро. Подходя къ Кляскуну, говорятъ *клясь, клясь* и отдаютъ ему принесенное. Кляскунь, отвѣчая тѣмъ же *клясь* и, хлопнувъ въ ладоши, принимаетъ дары чрезъ дѣвочку и отломивъ частицу или наливъ нѣсколько въ рюмку, бросаетъ и выливаетъ въ огонь, говоря: *клясь, клясь* и хлопая въ ладоши (настоящія язычскія жертвенныя возліянія!); остатки же всего приносимаго помѣщаетъ на носилкахъ. Между тѣмъ хороводъ поетъ слѣдующее:

Будетъ и намъ и яму

Выпасыгльць мѣсячку

Не прыгнѣнимъ агнечка

За свайгожь-жежь Кляскунка.

Клясь, клясь — Кляскунь!

Клясь, клясь мѣсячку!

Ой, клясь, ой клясь!

Нашъ мѣсячку

Ой клясь, ой клясь!

Ты нашъ Кляскунь!.. (хло-

пая въ ладоши).

Будетъ намъ и ему

Полному мѣсяцу!

Не погасимъ огонька —

Ради своего Кляскунка!..

Клясь, клясь, Кляскунь

Клясь... мѣсяцъ!

Ой клясь...

Нашъ мѣсяцъ (луна)!..

Ой клясь...

Ты нашъ Кляскунь!

Собравъ все отъ хоровода, Кляскунь встаетъ съ носилокъ и тушитъ огонь, который, впрочемъ, и безъ того уже самъ гаснетъ. За тѣмъ, хороводъ располагается вокругъ носилокъ, и Кляскунь дѣлитъ все собранное дары, не забывая и себя. (Пирогъ же и рюмка Кляскуна хранятся на память, и каждый получаетъ по кусочку этого пирога). Тогда начинаются забавы и веселье: ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ, но отнюдь не выходятъ изъ границъ сельской скромности. Возвращаются домой еще за-свѣтло, напѣвая пѣсни, но уже безъ Кляскуна. Очень-похожее на эту церемонію можно встрѣчать въ нѣкоторыхъ Польскихъ Губерніяхъ, на-примѣръ въ Люблинской и Радомской. Даже въ Варшавской Губ. есть похожая забава; именно въ 5 или 6 верстахъ отъ Варшавы, на мызѣ Графа Потockаго — Вильяново, я видѣлъ что-то въ родѣ обряда Кляскунова; даже въ пѣсняхъ — тотъ же напѣвъ и припѣвъ: *klaś, klaś, oŭ klaś, da klaś.*; но только здѣсь не было того приличія: это больше попойка Европейской разгульной, буйной черни, а не невинная дѣтская забава наслѣдованная по преданію отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, какъ у Бѣлорусцевъ. Кляскунь извѣстенъ почти во всей Бѣ-

лоруссін, но особенно въ Витебской Губерніи, и Минской— въ Пугненскомъ уездѣ. Поговорки: *Разкляскіся якъ Кляскунь той* — развеселился, разыгрался, какъ Кляскунь тотъ; *не кляскуй Кляскунь, ба тмашака еще мьлєка* — не веселись, не играй Кляскунь, еще не показалась луна.

XLV. Копша.

Копша— богиня мертвыхъ. Какъ видно изъ значенія самаго слова, Копша, должно быть, какое-нибудь страшное, чуть ли не адское божество. Копша значитъ — задымленная, загрязненная, испачканная смолою женщина, — отсюда веряха, негодная женщина (36). Воображеніе суевѣрной Бѣлоруссін рисуетъ Копшу въ видѣ старухи самаго чудовишнаго, страшнаго вида. Она живетъ въ гробахъ, и особенно въ тѣхъ, гдѣ лишь только начинають труны разрушаться, тревожить ихъ, и именно труны тѣхъ, родные которыхъ не задобрили ее, не положили въ гробъ денегъ или какого-нибудь напитка. Вотъ почему въ могилахъ понынѣ находятъ горшки съ деньгами и фляжки съ густѣйшею, крѣпчайшею старою водкою (37). Тѣ, которые почему-нибудь не угодили ей, стараются задобрить Копшу въ день языческой тризны, совершающейся въ Бѣлоруссін (38) въ видѣ поминовенія на такъ-называемую *Радавицу* (39). День этотъ дѣйствительно приходится въ

(36) Въ Нижне-Лужницкомъ языкѣ есть слово *Kopfsch* и значитъ дымъ, смола, деготь.

(37) Обыкновеніе это понынѣ существуетъ въ Бѣлоруссін. О подобномъ обыкновеніи у Негровъ упоминаетъ Г. Ковалевскій. См. статью: «Ширіяна». Отеч. Зан. 1849, Генварь.

(38) То же есть въ Малоруссін и Литвѣ.

(39) *Радавица* значитъ день радованія — по тому случаю, что въ этотъ день стараются угодить Копшѣ разными приношеніями.

то самое время, когда совершается Христіанское поминовеніе усопшихъ, именно во Вторникъ на Оминой недѣли (40): вѣроятно— это остатки древней Славяно-Русской тризны, случайно слившейся съ этимъ Христіанскимъ днемъ. Въ этотъ день, вечеромъ, собираются женщины, по преимуществу старухи, на могилы своихъ родныхъ и близкихъ съ запасомъ разныхъ лепешекъ, блиновъ, пироговъ, и проч. и раскладываютъ ихъ на могилахъ. Часть этого запаса потребляется самими же принесшими, остальное же посвящается Копшѣ для умиловленія ея. Обыкновенно прорываютъ въ изголовьи могилы яму, и туда закапываютъ приношенія Копшѣ; на мѣстѣ же ногъ пробиваютъ глубоко жолобокъ и бросаютъ въ него нѣсколько монетъ, большею частію мѣдныхъ, по числу членовъ семьи, — что сопровождается разными приговорами. Копша извѣстна въ Могилевской и Минской Губерніяхъ; въ прочихъ мѣстахъ Бѣлоруссін существуетъ только обрядъ радавницы, съ другими впрочемъ, ничего незначащими приговорками, или напѣвами. Поговорка: *Зъ трашми и Копши дагодзиш* — деньгами задобришь и Копшу.

XLVI. Лядашчикъ.

Лядашчикъ (41) — духъ, портящій людей (42). По понятію Бѣлоруссневъ, существуютъ такіе злые духи, которые изъ ненависти къ людямъ портятъ ихъ. Порча эта состоитъ въ томъ, что они дѣлають людей больными,

(40) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершается Радавница въ Среду — вечеромъ.

(41) Лядашчикъ — отъ *лядашты*, скверный, испорченный, — тотъ, который другихъ дѣлаегъ дурными, портитъ.

(42) Портить людей — собственно значитъ сдѣлать ихъ больными, иногда сумасшедшими.

полусумасшедшими, лишают у них сознание, превращают их въ разныхъ животныхъ. Къ числу этихъ духовъ принадлежитъ и Лядашицкь, духъ самый враждебный въ отношеніи къ человѣку. Лядашицкь ненавидитъ женщинъ за дѣторожденіе, больше всего вредитъ имъ, и потому все случанюціяся съ женщинами болѣзни и припадки Бѣлоруссы приписываютъ Лядашицку. Они представляютъ его въ видѣ безобразнаго уродна, всего въ рыжихъ волосахъ, съ крыльями и однимъ глазомъ во лбу. Лядашицкь извѣстенъ во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, и даже во всей, но только не вездѣ подъ этимъ именемъ: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Минской и Могилевской Губерніи его называютъ Шѣвредзь, Псѣцень. Поговорки: *зъ Лядашицкомъ спазнався, зъ розуму спався* — прямой безумный, будто съ Лядашицкомъ свелъ дѣло; *Лядашицава воко* — глазъ Лядашицка — т. е. скверный, нехорошій глазъ; *Лядашицкь перелетывъ яму* — надъ нимъ пролетѣлъ Лядашицкь, т. е. онъ полумумный, сумасшедшій.

XLVII. Ныдзень.

Ныдзень — оборотень. Это одна изъ тѣхъ несчастныхъ жертвъ, которыми Лядашицкь дѣлаетъ людей. Ныдзень, собственно, по понятію Бѣлорусцевъ, блуждаетъ въ образѣ какого-то четвероногого животного, и такъ жалко стонетъ, что слыша его невольно поразилъсь горькимъ положеніемъ оборотня. Особенно стоны его можно слышать въ лунную полночь. Онъ блуждаетъ вокругъ домовъ и въ особенности домовъ добрыхъ, сострадательныхъ людей; иногда въ видѣ собаки забѣгаетъ и въ самое жилище, но какъ никто его не узнаетъ, то онъ и про-

лежитъ гдѣ-нибудь вмѣстѣ съ собаками. Ему очень хочется, говорятъ Бѣлоруссы, чтобъ кто-нибудь узналъ и приласкалъ его; этимъ нѣсколько утѣшился бы Ныдзень въ своемъ жалкомъ положеніи. Но кто же осмѣлится приласкать его, хотя бы кто и узналъ, что вбѣжавшая собака дѣйствительно есть оборотень — несчастный, заклятый, заколдованный человѣкъ, когда этою ласкою можно раздражить Лядашицка. Появленіе мнимаго Ныдзени Бѣлоруссы считаютъ предсказаніемъ какого-либо несчастія для цѣлаго мѣстечка или деревни: по ихъ мнѣнію, изъ жалости къ людямъ, это несчастное существо хочетъ какъ бы приготовить людей къ встрѣчѣ угрожающей бѣды. Ныдзень, отъ *ныдзѣць* — скучать, горевать, собственно значитъ горьмыка, стонущій, воющій, вообще существо, находящееся въ чрезвычайно жалкомъ подожженіи... Ныдзень извѣстенъ преимущественно въ Минской Губерніи, въ Слуцкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ, отчасти впрочемъ и въ Игуменскомъ. Поговорки: *Раззлестався якъ той уже Ныдзень* — расплакался, разстонался, настояшій право Ныдзень; *Ныдзень! чуць бадай лиха якого не спаткнуць*, — что-то слышны стали стоны Ныдня (Ныдзени), какъ бы не случилось несчастія какого...

XLVIII. Павѣтникъ.

Павѣтникъ — младшій служебный духъ Бордзи. Павѣтникъ, отъ слова *павѣтце*, сарай для дровъ, или мѣсто (въ Бѣлорусскихъ хуторахъ) для складки и срубки дровъ — значитъ живущій въ дровяномъ сараѣ. Оттуда и понятіе Бѣлорусцевъ объ обязанности Павѣтника въ отноше-

ни къ богинѣ Бордзѣ. Именно, Бѣлоруссы думаютъ, что Павѣтникъ всегда живетъ въ дровяномъ сараѣ и смотритъ за благосостояніемъ имущества хозяевъ. Старшій служебный духъ Бордзи, Гарникъ, часто вмѣстѣ съ своею богинею присутствуетъ на брачныхъ пирахъ; но Павѣтникъ, какъ младшій служебный духъ, не имѣетъ такого близкаго отношенія къ Бордзѣ. Онъ дѣлаетъ только то, что ему поручаетъ Гарникъ. По понятію Бѣлорусцевъ, Павѣтникъ, въ видѣ шестикрылой огромной птицы, рассказываетъ по всемъ амбарамъ, сараямъ (клѣткамъ) новобрачныхъ и осматриваетъ, все ли у нихъ въ хорошемъ состояніи; если найдетъ что-нибудь въ неисправности — доноситъ Гарнику, а Гарникъ передаетъ Бордзѣ. Иногда, говорятъ Бѣлоруссы, Павѣтникъ является (43) хозяевамъ въ амбарахъ и какъ бы грозитъ имъ; это значитъ, что хозяинъ, въ амбарѣ котораго явился Павѣтникъ въ такомъ видѣ, провинился въ чемъ-нибудь предъ Бордзеею, т. е. или не занимался хозяйствомъ, или же неправильно съ обидою для другаго воспользовался какимъ-нибудь добромъ. Во время этого появленія, Павѣтникъ принимаетъ образъ красиваго бѣлокурого мальчика въ рубашкѣ огненнаго цвѣта. Павѣтникъ извѣстенъ собственно въ Минской Губерніи, частію впрочемъ и въ Могилевской, особенно въ Оршанскомъ уѣздѣ. Поговорки: *Павѣтникъ присябрылся, въ клѣтцѣ добра пашабылся* — помочь, удружить, приемотрѣть за хозяйствомъ Павѣтникъ, отъ того и въ амбарахъ его все въ хорошемъ положеніи, всего много; *чуми, чуми — Павѣтникъ*, — выраженіе,

(43) Собственно ночью, или вечеромъ, вообще въ потьмахъ: вѣроятно, потому, что вечеромъ скорѣе можетъ представиться что-нибудь подобное суевѣрному Бѣлорусцу.

употребляемое Бѣлорусцами во время испуга, происшедшаго отъ внезапной пропажи какой-нибудь вещи въ домѣ, или пожара, или грабежа ночнаго. Что значитъ *чуми — чуми*, не понятно; по крайней мѣрѣ можно догадываться, что этимъ выражается какой-то призывъ на помощь Павѣтника!.. Какъ-будто помоги, Павѣтникъ, или избавь отъ бѣды... *Якъ злекался, бы — аць Павѣтникъ въ клѣтцѣ въ очы здавался* — какъ испугался, — словно Павѣтника увидѣлъ въ амбарѣ (въ грозномъ видѣ).

XLIX. Падпечникъ.

Падпечникъ — домовый. Бѣлоруссы представляютъ Падпечника въ видѣ безобразнаго животнаго, мохнатого, съ красною головою и огненными сверкающими глазами; вмѣсто переднихъ лапъ, у него человѣческія руки, а вмѣсто заднихъ — человѣческія ноги, только съ длинными когтями. Бѣлоруссы вѣрятъ, что Падпечникъ живетъ въ домахъ подъ печкою (44), и днемъ никогда не выходитъ оттуда; иногда только, когда никого не бываетъ дома, кромѣ дѣтей, онъ высовываетъ свою красную голову, и повертывая ею и сверкая глазами, страшитъ тѣмъ дѣтей, слишкомъ расшалившихся въ отсутствіи родителей; впрочемъ, онъ ничего худаго имъ не дѣлаетъ. За то, ночью, Падпечникъ не даетъ покоя людямъ дурнымъ, порочнымъ, безчестнымъ и вообще сдѣлавшимъ какое-либо преступленіе. Падпечникъ грезнится имъ, являясь передъ ними въ ужасающихъ видахъ, выдѣлывая предъ ними разные страшные жесты, бѣгая

(44) Падпечакъ — подпечекъ, т. е. яма подъ печкою для сора, или мѣсто для складки дровъ (у простолюдиновъ).

по стѣнѣ, летая надъ ихъ головами, и своею мохнатою головою шекотя лице ихъ. Весьма похожій на Надпечника домовый есть у Сербовъ и Богемцевъ. У Сербовъ онъ называется Зидѣшникъ, что значитъ сидящій въ темномъ уголку — за печкою (45); а у Богемцевъ Рѣскап, — отъ *reska* большой камень — для постройки домовъ и лѣпки печей; отсюда запечникъ сидящій на печкѣ, или подъ печкою (46). О Надпечникѣ, какъ о домовомъ, знаютъ почти во всей Бѣлоруссiи, только подъ разными названiями; подъ настоящимъ именемъ извѣстенъ онъ больше въ Минской Губернiи; но не менѣе того знаютъ объ немъ даже и въ Черниговской Губернiи, особенно въ Глуховскомъ уѣздѣ. Поговорки: *Надпечникъ палекавъ, баща штось зсртававъ* — Надпечникъ напугалъ, видно сдѣлалъ что-нибудь дурное; *кабъ табы Надпечка* (сокращ. Надпечникъ) *прытисся* — чтобъ тебѣ прирезился во снѣ Надпечникъ.

Л. Разама́ра.

Разамара — недобрый духъ, одинъ изъ тѣхъ, которые несутъ на воздухѣ огненную ступу Бабы-Яги (47), и пользуются большою милостiю этого злобнаго духа. По повѣстiю Бѣлорусцевъ, Разамара живетъ въ облакахъ, въ видѣ какого-то шестикрылаго животнаго. Въ случаѣ же нужды явиться на землю съ Ягою, или даже одному Разамара — принимаетъ видъ молодого человѣка косматаго

(45) Именное или рѣшительное личное имена разныхъ народовъ Славянска, скупно Г. *Пачко*, у Будиму, 1828 г. См. это слово.

(46) *Praktisches Lehrbuch der cechischen volgo böhmischen*, von F. *Trnka*. Brünn, 1830, 8. 1.

(47) См. въ 1-й статьѣ слово Яга-Баба-Касьянная-Пага.

съ головы до ногъ, съ шестью крылами, огненнаго. Въ такомъ видѣ онъ является въ глухую полночь и въ особенности во время бурь, грозы и проливнаго дождя, и похищаетъ дѣтей. Разамара извѣстенъ во всей Бѣлоруссiи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Минской Губер.) это слово употребляется въ значенiи *замарашки*, и дѣйствительно можетъ означать нечистаго, загрязненнаго, если производить это слово отъ Виנדскаго *Zmargast* — *gazmarast*, корень котораго *maroga* — значитъ нечистый, замаранный. Впрочемъ, корень Разамары собственно должно искать въ Бѣлорусскомъ нарѣчiи. *Разамара* — по Бѣлорусски (отъ предлога *разъ* — и *мара* — привидѣнiе духъ, тѣнь) значитъ духъ неуловимый, быстро исчезающій, — невидимка. Поговорки: *Чы не Разамара запавъ* — не Разамара ли сгубилъ (дитя); *Разамарабъ цлбъ задушывъ* — *яки прыкса* — чтобъ тебя задушилъ Разамара! экой крикунъ! такъ пугаютъ дѣтей).

ЛІ. Шатывила.

Шатывила (48) — также служебный духъ Яги-Бабы Касьянной-Паги. Сказанное о Разамарѣ относится и къ Шатывилѣ. Замѣтимъ только, что Шатывила имѣетъ еще особенное значенiе, — именно посредника въ сношенiямъ между Ягою и Паляндрую. Шатывила извѣстенъ въ Бѣлоруссiи столько же, сколько и Разамара; кромѣ того, онъ извѣстенъ въ Малороссiи и Литвѣ. Шатывила значитъ постоянно передвигающійся съ мѣста на мѣсто,

(48) Здѣсь конечная буква *a* употреблена вмѣсто *o*, примѣнительно къ выговору Бѣлорусскому; слѣдовало бы собственно написать — Шатывило.

перебѣгающей, быстро летающей. Поговорки: *Бачъ — якимъ Шатывиламъ лицыць — экъ какимъ бѣсомъ несется; якъ той Шатывила не пастаць на адномъ мѣстыць — какъ Шатывила, не постоить на адномъ мѣстѣ.*

III. Яркунь.

Яркунь — врагъ супружества. По понятію Бѣлорусцевъ, Яркунь, пока былъ друженъ съ Бордзю, покровительствовалъ супружеству; послѣ, возненавидѣвъ Бордзю, покинулъ ее и на зло ей сталъ преслѣдовать супруговъ. Онѣ, говорятъ, производить безпорядки въ домахъ и сорить мужей съ женами. Бѣлорусцы представляютъ Яркуна старикомъ — немалого роста, сѣдымъ, но очень стройнымъ и ловкимъ; являясь же въ домъ новобрачныхъ, онъ принимаетъ видъ молодаго человека. Обыкновенно Яркунь живетъ въ горахъ, въ великолѣпныхъ палатахъ, украшенныхъ янтаремъ и другими камнями. Яркунь — собственно значитъ воркливый, ревнивый, жестокий. Нѣчто похожее на Яркуна есть у Верхне-Лужичанъ, именно *jaqikon*, означающее сильнаго, крѣпкаго (отъ слова *jaqa* — очень сильно). Яркунь извѣстенъ не во всей Бѣлорусціи. Поговорки: *за этага Яркуна я пайду?* — пойду ли я (за мужъ) за такого ревнивца?.. *Загрызь жонку свою — якъ той Яркунь* — замучилъ жену свою ревностью, какъ Яркунь. Вообще на Бѣлорусскомъ нарѣчій слово Яркунь значитъ собственно ревнивецъ.

П. ШИЛЕВСКІЙ.

УКАЗАТЕЛЬ

ВНОВЬ ВЫХОДЯЩИХЪ КНИГЪ.

ЯНУАРИЙ и ФЕВРАЛЬ 1852.

I. Богословіе.

- 1) *Officium albo codzienne nabozenstwo ku wiekszei czci i chwale Boga. Wilno, drukiem J. Zawadzkiego, 1852. 384 стр. in-12 (16 листовъ).*
- 2) *Directorium officii divini ac missarum S. S. pro dioecesi Minscensi in annum 1852. Vilnae, typis A. Dworzec, 1851. 84 стр. in-12 (3½ листа).*
- 3) *Ordo divini officii in ordinis Sancti patris Benedicti pro anno 1852 propositus. Vilnae, typis J. Zawadzki, 1851. 64 стр. in-12 (2⅔ листа).*
- 4) *Directorium divini officii recitandi pro ordine fratrum minorum S. P. Francisci conventualium in imperio Rossico. In 1852 editum. Vilnae, typis S. Blumowicz. 56 стр. in-12 (2⅓ листа).*
- 5) *Bóg jest moim udziałem albo listy o wytrwaniu w dobrem po pierwszej komunii. Skreślił X. Gaume, a z trzeciego wydania przełożył X. S. S. D. Wilno, w druk. A. Dworca, 1851. 168 стр. in-12 (7 листовъ).*
- 6) *Nabozenstwo o rozpamiętywaniu meki i śmierci Pana Jezusa Chrystusa i do Świętego Rocha. W Mińsku, w drukarni A. i Jokielu Dworzeców, 1852. 90 стр. in-12 (3¼ листа).*

Библиограф. Приб.

Handwritten text at the top of the page, partially obscured and difficult to read.

Отпуск из Тривавлениа
к журналу Министерства
народнаго просвещения

на 1846 с 3-25, 85-125
на 1852 с 37-68

Handwritten text at the bottom of the page, possibly a signature or date.

УКАЗАНИЕ
КЪ РАБОТѢ

1852

1. Введение

1) Описание...
2) Описание...
3) Описание...
4) Описание...
5) Описание...
6) Описание...
7) Описание...
8) Описание...
9) Описание...
10) Описание...

